ЗАПИСКА

О ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Ѳ. И. БУСЛАЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А. Базунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С.П.Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. **И. Базунова**, въ Москвѣ.
Энфянджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп. сер.

ЗАПИСКА

О ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Ѳ. И. БУСЛАЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С.П.Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б **И. Базунова**, въ Москвѣ.
Эфіянджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 16 августа 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ
Академіи наукъ СССР

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗАПИСКА

О ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ Ѳ. И. БУСЛАЕВА. МОСКВА, 1863.

(ЧИТАНА ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ 22 АПРѢЛЯ 1865 Г.)

Авторъ придаетъ цѣну рецензіямъ; онъ выбираетъ изъ нихъ дѣйствительныя и полезныя замѣчанія, какъ видно изъ собственныхъ его словъ въ небольшемъ предисловіи ко второму изданію; самое это изданіе, по бо̀льшей его исправности и полнотѣ, приписываетъ онъ во многомъ рецензентамъ. Слѣдовательно, высказать и теперь замѣчанія тѣмъ возможнѣе, чѣмъ желательнѣе бо̀льшая распространенность книги, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повтореніе новыхъ изданій.

Грамматика г. Буслаева, по справедливости, составляетъ эпоху въ изученіи отечественнаго языка; въ ней впервые въ такой цѣлостности и въ примѣнимости къ учащемуся молодому поколѣнію обращено вниманіе на то, что такъ давно ожидалось, какъ преимущественно полезное и образовательное. Прежней системы голыхъ рубрикъ, со множествомъ правилъ и исключеній, обременявшихъ безплодно память ученика, и безъ грамматики умѣвшаго съ дѣтства склонять и спрягать, уже нѣтъ больше; весь интересъ сосредоточенъ на объясненіи послѣдовательнаго развитія языка отечественнаго и на опредѣленныхъ и доступныхъ возрасту законахъ его нынѣшняго

употребленія. Въ грамматикѣ г. Буслаева требуется прежде всего мысль и соображеніе, и истинный педагогъ вдвойнѣ поблагодаритъ автора: со стороны отрицательной — за громадную услугу, какую оказалъ онъ, подорвавши вредное направленіе почти исключительнаго упражненія памяти, со стороны положительной — за то, что имъ дана пища мыслительной способности, при здоровомъ и богатомъ матеріалѣ, усвоеніе котораго навсегда останется дорогимъ пріобрѣтеніемъ ума человѣческаго.

Но чѣмъ выше ставимъ мы значеніе исторической грамматики, чѣмъ сильнѣе желаемъ бо̀льшаго ей распространенія въ воспитаніи и образованіи, тѣмъ необходимо требовательнѣе должны мы быть и относительно ея достоинствъ. Такая требовательность не покажется излишнею, когда сообразимъ, что грамматика г. Буслаева есть первый и еще единственный опытъ въ нашей литературѣ, что приготовленность большинства наставниковъ далека еще отъ того, чтобы выдѣлять промахи и недосмотры автора, что сами они, при выборѣ пособій, вынуждены ограничиться одною этой же грамматикой, безусловность довѣрія къ которой надолго поддержится достойнымъ авторитетомъ г. Буслаева, пріобрѣтеннымъ многолѣтними и почтенными трудами. Едва ли упрекнетъ насъ въ несправедливости и самъ г. Буслаевъ, если мы позволимъ себѣ сказать за него, что подобная безусловность довѣрія къ его руководству могла бы быть пріятна лишь тогда, когда бы онъ былъ увѣренъ самъ и поддержанъ всѣми Филологами въ своей увѣренности, что руководство его безошибочно во всѣхъ частяхъ; но напряженность занятій г. Буслаева и обиліе чисто научныхъ изслѣдованій его служатъ надежнѣйшею порукою, что такой увѣренности въ немъ нѣтъ, а что ея не было, покрайней мѣрѣ при первомъ изданіи, онъ заявилъ самъ, упомянувши съ благодарностью о замѣчаніяхъ рецензентовъ, которыми воспользовался при новомъ изданіи. Послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, даетъ прочное право утверждать,

что автору исторической грамматики гораздо пріятнѣе доводить свой трудъ, посредствомъ опредѣленныхъ указаній на недостатки, до степени возможнаго совершенства, чтобы сдѣлать его безукоризненнымъ пособіемъ на новомъ пути изученія языка отечественнаго. Руководясь этимъ соображеніемъ, мы рѣшаемся предположить, что появившіяся, вслѣдъ за выходомъ новаго изданія, рецензіи доставили слишкомъ мало удовольствія автору голыми похвалами, какъ нисколько не огорчили его и рѣзкими, но столь же голословными, порицаніями. По крайней мѣрѣ намъ желательнѣе думать, что панегирическая критика одного журнала и грозная филиппика другаго подѣйствовали на г. Буслаева столь же мало, сколь ничтожна польза отъ нихъ самому дѣлу, интересамъ той науки, изслѣдованіямъ по которой посвятилъ свою дѣятельность г. Буслаевъ; пользы же дѣйствительно открыть нельзя, не смотря на объемистость такъ называемыхъ разборовъ, не смотря и на пышную рѣзкость или нѣжность высказанныхъ фразъ. А между тѣмъ, подмѣтить въ исторической грамматикѣ кое-что такое, чего бы не должно въ ней быть, при всѣхъ ея безспорныхъ достоинствахъ, есть и была возможность, какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ. Послѣднее условіе особенно, казалось бы, должно остановить на себѣ самый внимательный взоръ: книга г. Буслаева назначена не для легкаго чтенія и не для спеціалистовъ, а издана въ качествѣ пособія наставникамъ и руководства учащимся; при такомъ же назначеніи, каждая ошибка тѣмъ менѣе терпима, чѣмъ безпрепятственнѣе усвоивается она молодымъ умомъ и чѣмъ глубже проникаетъ въ него, по силѣ впечатлѣнія. И упомянутыя рецензіи принесли бы несравненно большую пользу, если бы, вмѣсто многихъ страницъ, переполненныхъ подборомъ ѣдкихъ или мягкихъ выраженій, коротко указали бы хотя на одну изъ подобныхъ ошибокъ. Но ничего такого нѣтъ въ нихъ, не появляется что-либо и въ другихъ мѣстахъ; грамматика же, какъ и слѣдуетъ ожидать и должно желать, ширится все больше и больше, и въ

воспитываемыхъ и образуемыхъ ею наставникахъ возбуждаетъ уже кое-какія недоразумѣнія, объяснить и отвратить которыя не всегда они въ состояніи. Это побуждаетъ меня заявить немногія свои замѣчанія, составленныя вскорѣ по выходѣ втораго изданія, въ надеждѣ, что не всѣ они останутся безполезными для тѣхъ учителей, которые убѣдились въ важности историческаго изученія языка и осваиваются, подъ руководствомъ г. Буслаева, съ новымъ методомъ; быть можетъ, и самъ авторъ, при послѣдующихъ изданіяхъ, не желать которыхъ нельзя, воспользуется хотя нѣкоторыми изъ нихъ и пополнитъ или измѣнитъ кое-что въ превосходномъ своемъ трудѣ. На этотъ разъ ограничусь только первою частью, которая, по словамъ г. Буслаева, преимущественно подверглась передѣлкѣ въ новомъ изданіи.

Постараюсь держаться въ замѣчаніяхъ того же порядка, какому слѣдовалъ самъ авторъ въ первой части грамматики. Начну со звуковъ и прежде всего скажу нѣсколько словъ о терминологіи славянскихъ нарѣчій, употребленной г. Буслаевымъ.

На страницѣ седьмой, въ § 3, при обзорѣ нарѣчій языка славянскаго, мы встрѣчаемъ сопоставленіе нарѣчія церковнославянскаго съ ново-болгарскимъ и выдѣленіе, какъ особаго нарѣчія, ново-словенскаго. Терминъ *ново-словенское наръчіе* повторяется и на стр. 22, 38, 180, 181, 183, 186, 205. Что подъ перомъ автора понятія *церковно-славянское и ново-болгарское наръчія* являются, по существу, синонимическими, различающимися только во времени, очевидно изъ замѣны термина *церковно-славянскій древне-болгарскимъ*, какъ на стр. 38, въ замѣчаніи о первоначальныхъ свойствахъ звука *ѣ*. Что̀ разумѣетъ авторъ подъ нарѣчіемъ ново-словенскимъ, видно изъ сопоставленія этого термина съ выраженіемъ *краинскій*, на стр. 181, 183, 186, 205. Между тѣмъ какъ послѣднее страдаетъ, по нашему мнѣнію, крайнею неточностью, первое поражаетъ въ подобной же мѣрѣ неполнотою и неопредѣленностью.

Дѣйствительно, синонимичность терминовъ *церковно-славянскій* и *древне-болгарскій* издавна усвоена въ ученой литературѣ; она принята и лучшими спеціалистами, какъ Шафарикомъ, Востоковымъ и др., и сдѣлалась, такъ сказать, ходячею истиною съ тѣхъ поръ, какъ первый изъ упомянутыхъ ученыхъ, въ безсмертномъ своемъ сочиненіи «Славянскія Древности», представилъ значительную массу доказательствъ древне-болгаризма церковно-славянскаго нарѣчія. Тѣмъ не менѣе, и въ понятіяхъ тѣхъ людей, которые съ полнымъ сознаніемъ отвергаютъ паннонизмъ, сербизмъ, моравизмъ или хорутанизмъ церковно-славянскаго нарѣчія, сопоставленіе его съ древне-болгарскимъ не можетъ не вызвать множества разнообразныхъ сомнѣній и вопросовъ; въ молодыхъ же головахъ учащихся, да, вѣроятно, и въ большинствѣ преподавателей, сбивчивость представленій будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ противорѣчивѣе такому сопоставленію представятся указанія исторіи и этнографіи. Если же и тѣ и другіе примутъ опредѣленіе г. Буслаевымъ церковно-славянскаго нарѣчія на вѣру, безъ всякихъ справокъ къ исторіей и этнографіей, то едва ли можно быть увѣреннымъ въ вѣрности ихъ пониманія; всего скорѣе, напротивъ, они придадутъ термину *древне-болгарскій* смыслъ народный, а не государственный, что положительно уже будетъ ошибкой.

Въ самомъ дѣлѣ, и исторія и этнографія очертятъ Болгаръ народомъ не только не славянскимъ, но и вообще не арійскимъ: послѣдняя заставитъ искать происхожденія ихъ на отдаленномъ сѣверо-востокѣ Азіи, въ нераздѣльномъ родствѣ къ племенемъ турецко-татарскимъ; первая же приведетъ ихъ къ Дунаю и переправитъ на Балканъ только въ концѣ VII вѣка, и то не въ качествѣ народа, а въ видѣ полудикой, завоевательной орды. Она же засвидѣтельствуетъ и о медленномъ развитіи государства Болгаръ, вслѣдствіе необходимости упрочиться прежде всего на новой и чуждой территоріи: цѣлыхъ полтора вѣка Болгаре могли заниматься только отпоромъ силъ Византійцевъ, да набѣгами на ихъ владѣнія. А въ половинѣ IX вѣка церковно-

славянскій языкъ является уже въ письменности, со всѣмъ поразительнымъ богатствомъ лексическимъ, фонетическимъ и флексическимъ, при полной славянской чистотѣ и самобытности, безъ всякихъ несомнѣнныхъ слѣдовъ вліянія со стороны какого-либо азіятскаго народа. Гдѣ же оправданіе синонимичности церковно-славянскаго и древне-болгарскаго? Допустить возможность смѣшенія, къ половинѣ IX столѣтія, Болгаръ съ Славянами задунайскими въ одинъ народъ, и образованіе, такимъ образомъ, одного языка, которымъ и воспользовались первоучители славянскіе для своихъ переводовъ Св. Писанія и книгъ богослужебныхъ, едва ли когда нибудь будетъ основательно и логично. Какъ ни остроумны нѣкоторыя доказательства дѣйствительности такого смѣшенія къ указанной порѣ, приведенныя Шафарикомъ въ его Древностяхъ, но эта дѣйсвительность навсегда останется кажущеюся, мнимою, если противопоставить ей слѣдующія соображенія: а) время для окончанія процесса сліянія двухъ народностей въ одну, отъ конца VII до половины IX вѣка, въ высшей степени недостаточно; эта недостаточность усилится еще больше, когда сообразимъ неизбѣжную враждебность, хотя на первыхъ порахъ, между пришлыми чужеродцами и туземнымъ славянскимъ народонаселеніемъ, и завоевательный духъ Болгаръ, побуждавшій ихъ къ непрерывнымъ войнамъ и набѣгамъ на византійскую имперію: мирныхъ столкновеній и спокойнаго общежитія нельзя и предположить, а только при такомъ условіи возможна быстрота сліянія; б) положительныя свѣдѣнія прямо противорѣчатъ этому допущенію: самыя Древности Шафарика предлагаютъ обильную массу данныхъ, изъ которыхъ очевидна рознь народностей болгарской и славянской не только въ IX, но и въ X, даже въ XI столѣтіяхъ; такая рознь рѣзко бросается въ глаза и въ названіяхъ различныхъ предметовъ, особенно въ собственныхъ именахъ лицъ, и во многихъ обычаяхъ, и въ самомъ бытѣ; в) но ежели бы мы и согласились съ тѣмъ мнѣніемъ, которое принимаетъ совершившимся сліяніе ко вре-

мени проповѣднической дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, то какъ объяснимъ неестественный результатъ сліянія? Очевидно, переворотъ въ языкѣ славянскомъ долженъ быть очень чувствительный, рѣзко замѣтный; смѣшиваются не два родственныя нарѣчія, а языки, совершенно чуждые другъ другу, различные въ самыхъ основныхъ началахъ своего строя; о лексическомъ различіи, проходящемъ чрезъ весь составъ языка, уже и не говоримъ. А церковно-славянское нарѣчіе, въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности, какъ нарочно, выставляетъ передъ нами во всей полнотѣ и богатство, и правильность, и чистоту, и самобытность, въ превосходствѣ даже передъ остальными нарѣчіями славянскими, и кратковременно несталкивавшимися съ какой-либо азіятской ордой. Тутъ что-то не такъ, и увѣренности въ происхожденіе церковно-славянскаго нарѣчія изъ *слившихся* уже народностей болгарской и славянской, а слѣдовательно и сопоставленію его съ древне-болгарскимъ, въ обыкновенномъ, народномъ смыслѣ, тѣмъ меньше можетъ быть мѣста, чѣмъ разительнѣе разстройство ново-болгарскаго нарѣчія, сравнительно съ другими славянскими; и если ранняя потеря склоненій, господство необычнаго у славянъ члена съ иными чуждыми свойствами въ послѣднемъ указываютъ скорѣе всего на переворотъ въ языкѣ именно въ силу дѣйствительно совершившагося смѣшенія чуждыхъ народностей, то языкъ церковно-славянскій своею безукоризненною чистотою способенъ только отрицать столь мутный источникъ своего пропсхожденія. Отсюда, смѣемъ думать, и сопоставленіе церковно-славянскаго нарѣчія г. Буслаевымъ съ древне-болгарскимъ не должно пониматься въ народномъ смыслѣ; а какъ языкъ, который съ дѣтства былъ усвоенъ славянскими первоучителями, который всего несомнѣннѣе послужилъ имъ и первымъ органомъ священнаго перевода, принадлежалъ славянамъ Солуни и окрестныхъ областей, въ большинствѣ вошедшихъ уже въ составъ царства болгарскаго, то и сопоставленіе подобное можетъ имѣть значеніе развѣ государствен-

ное: церковно-славянское нарѣчіе можетъ быть названо древне-болгарскимъ развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ книги чешскія входятъ въ составъ австрійской литературы, т. е. въ смыслѣ подданства славянъ царству болгарскому.

Эту-то мысль, въ трехъ-четырехъ словахъ, хотя въ примѣчаніи, не мѣшало бы включить г. Буслаеву для устраненія сбивчивости и для упроченія правильнаго взгляда на происхожденіе церковно-славянскаго нарѣчія и на отношеніе его къ болгарскому; если же г. Буслаевъ думаетъ иначе и соглашается съ мнѣніемъ Шафарика 1837 года, то, по нашему убѣжденію, было бы справедливѣе вовсе удалить изъ учебника отожествленіе старо-слав. нарѣчія съ древне-болгарскимъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока г. Буслаеву не удастся предъявить въ литературѣ болѣе убѣдительныхъ и положительныхъ доказательствъ справедливости отожествленія, именно въ народномъ значеніи.

Еще болѣе неточности и шаткости рѣшаемся видѣть мы въ терминѣ *ново-словенскій*. Общее понятіе, подъ которое, какъ частныя, входятъ ново-словенскій и старо-словенскій, есть, конечно, *словенское* нарѣчіе. Не говоря уже о томъ, что подъ *словенскимъ* нарѣчіемъ понимается словацкое, и что г. Буслаевъ, сопоставляя новословенское съ краинскимъ, разумѣлъ, очевидно, *словинское*, обыкновенное называемое хорутанскимъ, читатель невольно придетъ къ недоразумѣнію на счетъ того, почему авторъ исторической грамматики выдѣлилъ хорутанское нарѣчіе изъ ряда всѣхъ остальныхъ: тогда какъ ниодно нарѣчіе не удостоено разграниченія на старое или древнее и нановое, нарѣчіе хорутанское всюду обозначается терминомъ *ново-словенское*. Или, быть можетъ, нарѣчіе хорутанское въ древнемъ своемъ видѣ предлагаетъ какое-либо особенное отношеніе къ ново-хорутанскому, выходящее изъ ряда общихъ отношеній древняго строя каждаго славянскаго нарѣчія къ новѣйшему? Сомнительно, чтобы г. Буслаевъ и на минуту остановился на такомъ предположеніи. Откуда же, однако, на какихъ основаніяхъ образовался у него подобный терминъ? Дога-

даться не трудно; стоитъ лишь обратить вниманіе на примѣры другихъ ученыхъ.

Какъ извѣстно, выраженіе *ново-словенскій*, въ примѣненіи къ нарѣчію хорутанскому, есть господствующее, даже исключительное въ трудахъ вѣнскаго ученаго, Миклошича. Neuslovenische Sprache, neuslovenisches Dialekt — вотъ обычные термины, которыми выдѣляетъ этотъ ученый родной свой говоръ, хорутанскій, изъ среды остальныхъ нарѣчій славянскихъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, заимствовалъ его и нашъ достоуважаемый ученый. Къ удовольствію, однакоже, г. Буслаевъ остался непослѣдовательнымъ въ подражаніи Миклошичу, и тѣмъ уничтожилъ въ самой основѣ смыслъ, придаваемый послѣднимъ термину *ново-словенскій*.

Г. Буслаеву, разумѣется, не меньше нашего знакома научная система покойнаго Копитара, отожествлявшая церковно-славянское нарѣчіе съ древне-хорутанскимъ; знаетъ онъ, безъ сомнѣнія, и то, что система эта, по наслѣдству перешла къ г. Миклошичу, который длиннымъ рядомъ изслѣдованій старался постоянно доказать ея справедливость и разносторонними научными соображеніями убѣдить всѣхъ въ дѣйствительности хорутанскаго происхожденія церковно-славянскаго нарѣчія. Поэтому, г. Миклошичъ и вполнѣ послѣдователенъ, противопоставляя нынѣшнему хорутанскому нарѣчію, какъ новословенскому, старословенское, т. е. церковное; отсюда совершенно логически, съ его точки зрѣнія, отмѣчаются и всѣ сочиненія по послѣднему терминами: altslovenische sprache, altslovenisches dialekt. Но г. Буслаевъ, о тожествленіемъ церковно-славянскаго языка съ древнеболгарскимъ, какъ видѣли сейчасъ, даетъ самое положительное свидѣтельство несогласія своего съ выводами, въ этомъ случаѣ, Копитара и Миклошича, а потому и выраженіе его *новословенскій* приходится понимать единственно какъ соотвѣтствующее старо-хорутанскому, отличному отъ церковно-славянскаго. Но въ такомъ случаѣ не видимъ рѣшительно ни повода, ни причины отступать отъ обыкновеннаго

въ исторической грамматикѣ способа опредѣлять и нарѣчіе хорутанское такъ же общимъ названіемъ, какъ опредѣляются въ ней нарѣчія *чешское*, *польское*, *лужицкое* и т. д. Какъ видно, г. Буслаевъ подъ конецъ первой части грамматики самъ понялъ не точность своего термина, и съ 181 страницы уже ни разу не употребилъ его безъ объяснительнаго *крайнскій*.

Изъ остальной части введенія я позволю себѣ сдѣлать только два замѣчанія. Первое изъ нихъ касается взгляда автора на какое-то искусственное отношеніе русскаго просторѣчія къ письменному языку церковно-славянскому. На стр. 13, § 9, по поводу различнаго спряженія глагола хотѣть въ книжномъ русскомъ языкѣ (удержавшемъ во множественномъ числѣ настоящаго времени формы хотимъ, хотите) и въ простонародномъ, г. Буслаевъ говоритъ: «просторѣчіе приняло за основаніе церковно-славянскія формы, и, переложивъ, по свойству русскаго языка, церковно-славянское *щ* на *ч*, составило формы хочемъ, хочете, въ согласіе съ церковно-славянскими: хощемъ, хощете, и съ формами единсвеннаго числа: хочешь, хочетъ, проспрягавшимися по 1-му спряженію, какъ и хощемъ — хочемъ, хощете — хочете». Едва ли серьёзно и самъ авторъ согласится допустить охоту и возможность въ русскомъ простонародьѣ къ такимъ филологическимъ справкамъ съ языкомъ церковнымъ. Для образованія формъ хочемъ, хочете ему достаточно было и до историческаго, общеславянскаго ихъ развитія; ужъ если охота кого-либо обвинять въ особой формѣ для 1-го и 2-го лицъ множественнаго числа, то гораздо прямѣе книжный языкъ, дѣйствительно образовавшій свои формы хотимъ, хотите подъ вліяніемъ 3-го лица, какъ говоръ простонародный перешелъ отъ того же лица (хотятъ) и къ единственному числу, произнося 2-е и 3-е лицо его не рѣдко въ формѣ хотишь, хотитъ. Церковно-славянскія же формы хощемъ, хощете, равно и русское хочемъ, хочете, какъ древнѣйшія, принадлежали и принадлежатъ всѣмъ нарѣчіямъ славянскимъ: польское chcemy, chcecie, чешс. chceme,

chcete, сербское оћемо, оћете и т. д., гдѣ точно также въ первыхъ *с* (= *ц*), а въ послѣднемъ ћ соотвѣтствуетъ церковнославянскому щ изъ *т*, какъ и русское *ч*, и никто, разумѣется, не рѣшится объяснять ихъ принятіемъ за основаніе церковнославянской формы. Причина двойственности формъ заключается въ способности этого глагола, объявившейся съ незапамятныхъ поръ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими, переходить въ спряженіи изъ одного класса въ другой; въ глубокой древности этой особенности при глаголѣ хотѣти убѣждаетъ присутствіе ея и въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ (срав. Šafařík, Počatk. star. české mluvn. Uýbor ze staročes. literatury, 1845, стр. 108). На стр. 196, г. Буслаевъ вполнѣ основательно отчислилъ и глаголъ хотѣть, вмѣстѣ съ бѣжать и спать, къ глаголамъ разноспрягаемымъ.

Желая показать важность славянскихъ нарѣчій при уясненіи двойственнаго числа, г. Буслаевъ (стр. 22, прим. 2), на ряду съ лужицкимъ и новословенскимъ, приводитъ и чешское, какъ *особенно* сохранившее двойственное число. Тоже самое повторено и на стр. 181, прим. 8, хотя и безъ слова *особенно*; тутъ указаны и примѣры двойственнаго числа въ чешскомъ: bievě, biета. Всего легче было бы приписать такой промахъ недосмотру, еслибы онъ не былъ повторенъ дважды и притомъ безъ усиленія *особенно*, даже сравнительно съ лужицкимъ и хорутанскимъ. Не имѣлъ ли въ виду г. Буслаевъ старочешскаго нарѣчія? Но въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало бы забывать всѣхъ остальныхъ нарѣчій, не исключая и русскаго, даже и польскаго; что же касается новаго чешскаго нарѣчія, то оно не только не *особенно* сохранило двойственное число, но ни чѣмъ не больше даже отечественнаго языка, за исключеніемъ сущ. ruce, rukou, rukama, oči, očima и очень уже рѣдко noze.

Въ главѣ первой, трактующей о звукахъ и соотвѣтствующихъ имъ буквахъ, г. Буслаевъ представилъ богатство матеріала доселѣ еще не виданное и въ ученыхъ обслѣдованіяхъ языка отечественнаго. Надолго останется образцовымъ и рас-

предѣленіе этого матеріала, а равно и объясненіе многихъ звуковыхъ явленій, какъ въ языкѣ литературномъ, такъ и въ говорахъ народныхъ. Вообще, послѣдняя сторона, говоры народные, нашла самую благодарную почву въ исторической грамматикѣ, и второе изданіе ея, въ этомъ отношеніи, стоитъ замѣтно выше перваго.

Но да не посѣтуетъ на насъ г. Буслаевъ, если мы выскажемся откровенно, что и отдѣлъ о звукахъ не чуждъ недостатковъ, бросающихся тѣмъ рѣзче въ глаза, чѣмъ основательнѣе и остроумнѣе рядомъ съ ними находятся толкованія и выводы, свидѣтельствующіе ознакомствѣ автора съ предметомъ и объ уменьѣ давать богатымъ свѣдѣніямъ надлежащіе видъ и мѣсто. Подобная несоотвѣтственность больше всего поражаетъ именно въ этомъ отдѣлѣ; а въ немъ-то, какъ, надѣемся, согласится и самъ авторъ, требовательнѣе всегò точность, обдуманность и соразмѣрность. Фонетическая сторона, до сихъ поръ почти не обращавшая на себя вниманія, именно тѣмъ и важна, что служитъ фундаментомъ для остальныхъ отдѣловъ первой части, словообразованія и словоизмѣненія; недосказанное въ ней или упомянутое слегка неминуемо отразится на неясности во многомъ, а кое-гдѣ и на положительно превратномъ пониманіи того и другаго. Между тѣмъ, случаевъ не мало, гдѣ встрѣчается не досказанность въ изложеніи звуковыхъ законовъ и опущенность объясненій при такихъ явленіяхъ, на которыхъ опираются важнѣйшія свойства словообразованія. Въ самомъ дѣлѣ, г. Буслаевъ не рѣдко опредѣляетъ звуковыя передвиженія обычными въ былые годы *вставками* и *благозвучіемъ* и другими подобной цѣны терминами, что́ такъ рѣзко противорѣчитъ его общему направленію — вскрывать, по возможности, и уяснять, на прочныхъ началахъ сравнительной грамматики, непонятные на первый взглядъ законы звуковыхъ переходовъ въ языкѣ отечественномъ.

Такъ, на стр. 29, читаемъ: звуки *е* и *о* вставляются; напр. брать — беру, гнать — гоню; пут*е*шествіе, водо*п*адъ.

Здѣсь двѣ неточности, а въ слѣдствіе того и неправильности. Во первыхъ, сопоставленіе формъ гоню и беру неумѣстно; во вторыхъ, объяснять вставкою гласныхъ *е* и *о* образованіе сложныхъ словъ путешествіе и водопадъ едва-ли научно.

Г. Буслаеву извѣстенъ законъ усиленія и поднятія гласныхъ звуковъ; извѣстно, конечно, и то что славян. *р* и *л* во многомъ сохранили гласность тѣхъ же звуковъ въ санскритѣ, на ряду съ чистыми гласными способныхъ къ усиленію и поднятію. На стр. 52, онъ самъ говоритъ объ усиленіи плавныхъ *р* и *л*, а на слѣдующей страницѣ приводитъ и примѣры подобнаго усиленія: зрѣти — зоря, зарево, плати — палить, клати — колю. Это-то поднятіе исключительно объясняетъ и форму настоящаго времени беру, вполнѣ соотвѣтствующую скр. bhṛ въ наст. bharâmi.

NB. Мы придерживаемся ученія въ санскритскихъ грамматикахъ, говоря о поднятіи ṛ въ ar; тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь только возвращеніе къ основной формѣ, ослабленной въ корнѣ или темѣ, въ данномъ случаѣ возвращеніе bhar изъ ослабленнаго bhṛ.

Что же до слова гоню, то звукъ въ немъ *о* есть естественное перегласованіе звука *е*, принадлежащаго основной формѣ женѫ въ церк. и другихъ родственныхъ нарѣчіяхъ, не исключая малорусскаго и говоровъ великорусскихъ. Перегласованіе это точно такое же, какъ въ ходить и шести, въ звонить и звенѣть (цсл. звьнѣти, при чемъ ѣ, по свойству русскаго нарѣчія, перешло въ *е*).

Относительно второй половины, сошлемся сначала на самаго автора; на стр. 55, по поводу уподобленія звуковъ, онъ самъ уже отвергаетъ вставку *е* и *о* въ словахъ путешествіе и водопадъ, объясняя ихъ неполнымъ уподобленіемъ. Принимая въ соображеніе сдѣланное авторомъ опредѣленіе уподобленія звуковъ, какъ *явленія при стеченіи гласныхъ*, которое языкъ,

ради *благозвучія*, стремится устранить, мы рѣшительно не замѣчаемъ, почему въ числѣ примѣровъ отнесены сюда и два упомянутыхъ слова: съ одной стороны, мы видимъ путь и вода, съ другой шествіе и падъ, гдѣ и намека нѣтъ на стеченіе гласныхъ. Но что г. Буслаевъ положительно отвергаетъ на этомъ мѣстѣ простую вставку гласныхъ *е* и *о*, очевидно изъ слѣдующаго противопоставленія: объяснивши *е* (въ пут*е*шествіе) и *о* (въ вод*о*падъ) переходомъ мягкаго ъ въ *е* и твердаго *а* въ *о*, онъ продолжаетъ: «но въ прилагательныхъ *мудренъ*, *бѣденъ* и въ другихъ звукъ *е* есть вставной.» И такъ, на 55-й страницѣ прямое противорѣчіе сказанному на 29-й, на страницѣ же 168-й, въ § 79, опять являются соединительныя гласныя, за какія принимаются и *о* съ *е* въ указанныхъ словахъ. Но этого мало; все таки мы желаемъ знать, почему же совершился переходъ ъ въ *е* и *а* въ *о* въ словахъ: пут*е*шествіе и вод*о*падъ? Отвѣта не даетъ г. Буслаевъ, и мы выскажемъ свое мнѣніе. Въ словѣ пут*е*шествіе звукъ *е* есть обычная замѣна сторо-славянскаго ь (въ пѫть), при непосредственномъ сложеніи съ *шествіе;* и теперь еще народъ за частую говоритъ путьшествіе. Непосредственно сложеніе и въ водопадъ, съ требуемымъ ослабленіемъ болѣе сильнаго *а* (въ вода) въ болѣе слабое *о*, подобно греческому Τιμοκρατία вмѣсто Τιμηκρατία Бо́льшая слабость звука *о*, сравнительно съ *а*, замѣтна и въ звательномъ падежѣ отъ женскаго окончанія *а*, въ которомъ оно есть *о:* слава — славо.

Наконецъ и въ противопоставленныхъ рѣченіяхъ: мудренъ и бѣденъ мы не можемъ позволить себѣ также видѣть какую-либо вставку. Г. Буслаевъ не можетъ не знать, что окончаніе прилагательныхъ на *ень* соотвѣтствуетъ въ церк. нарѣчіи окончанію *ънъ:* слав-а, славьнъ, жен-а, женьнъ, врѣд-ъ, врѣдьнъ; подобнымъ же образомъ и бѣдьнъ, мѫдрьнъ. Соотвѣтствіе же ъ-ря въ русскомъ звуку *е* не требуетъ поясненія. Это окончаніе *ьнъ* вполнѣ равносильно греческому ινος, латинскому inus, скр. in: Λίθινος, θήρινος ferinus, divinus, balin (сильный), dhanin

(богатый). Слѣдовательно, и въ этихъ словахъ и имъ подобныхъ по образованію не можетъ быть *е* вставочнымъ, а только замѣною церк. ъ равнаго коренному *і* (и).

Вставками звуковъ гласныхъ продолжаетъ объяснять г. Буслаевъ и такія явленія, которыя могутъ быть выведены изъ самыхъ основныхъ законовъ звукоразвитія; авторъ исторической грамматики не однократно и доказалъ свое знакомство съ этими законами, онъ указалъ на одинъ изъ нихъ, чрезвычайной важности, и въ приложеніи къ первой части разбираемаго труда, — и удивительно, какимъ образомъ рѣшился онъ, послѣ этого, предпочесть ничего не объясняющее опредѣленіе *вставкой* самому легкому примѣненію указаннаго имъ закона къ фактамъ языка русскаго. Такъ на стр. 54, вставкою гласнаго *о* передъ *и* опредѣляетъ онъ образованіе существительныхъ: *пой* (въ водопой) изъ пи-ти, гной изъ гни-ти, лой изъ ли-ти и т. п.; посредствомъ же вставки *а* и *о* передъ *у* выводитъ образованіе слава и слово изъ слу-ти; такимъ же образомъ, конечно, понимаетъ онъ отровъ, отрава изъ тру-ти и др. Между тѣмъ какъ практическое вниманіе къ закону поднятія, господствующему въ языкахъ индоевропейскихъ и коротко изложенному въ приложеніи къ § 30, въ которомъ разбираются именно приведенныя выше формы русскаго языка (см. стр. 254), дало-бы автору полную возможность вразумительно опредѣлить не только эти, но и многіе другіе случаи звукоразвитія славянскаго вообще и русскаго въ частности. Тогда былъ-бы г. Буслаевъ и послѣдователенъ и не допустилъ-бы на одной и той-же 54 страницѣ, въ одномъ и томъ же § 30, различнаго пониманія и объясненія одного и того же явленія. Доказывая, напр., образованіе формъ бавить, плавить, квасъ и др. посредствомъ подъема гласнаго *ы*, родственнаго *у*, не позволилъ-бы себѣ видѣть лишь вставку *о* передъ *и* въ бой, лой, или *а* и *о* передъ *у* въ слово и слава, такъ какъ законъ во всѣхъ этихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же, именно законъ поднятія коренныхъ гласныхъ *и* и *у*.

Остановлюсь нѣсколько на этомъ законѣ, во первыхъ, потому, что г. Буслаевымъ и въ другихъ трудахъ не уясненъ законъ поднятія въ формахъ, подобныхъ бой, пой; во вторыхъ потому, что какъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ, такъ и въ настоящемъ не отдѣлены особенности образованія, напр., слово и слава.

Извѣстно, что законъ поднятія гласныхъ *и* и *у*, совершающійся посредствомъ приставки гласнаго *а*, является въ двухъ видахъ въ языкахъ родственныхъ древнѣйшей формаціи, въ видѣ поднятія простаго и усиленнаго, или, по терминологіи санскритской грамматики, въ видѣ гуны и вриддги. Различіе происходитъ отъ свойства приставнаго *а*, въ первомъ случаѣ короткаго, во второмъ долгаго. Отсюда, гуна отъ *и* является въ формѣ *аи*, обращеннаго въ латинскомъ правописаніи санскрита въ *ê* (= *ѣ*), отъ *у* въ формѣ *ау*, изображаемаго посредствомъ *ô*. Что касается вриддги, то *и* и *у*, съ приставленнымъ долгимъ *а*, образуютъ *âи*, *âу*.

Первый способъ поднятія присвоенъ уже давно и языку славянскому, и г. Буслаевъ, въ этомъ отношеніи, въ отечественной литературѣ предупредилъ другихъ. Такъ, звукъ *ѣ* нельзя иначе понимать, какъ первоначально двоегласный, равносильный *аи* (= *аі*), т. е. гунѣ отъ *и*. Это видно изъ сравненія съ греческимъ, въ словахъ греческихъ, какъ: дѣмонъ = δαίμων, цѣсарь = καισαρ и др.; видно изъ сравненія словъ славянскаго языка, въ которыхъ господствуетъ *ѣ*, съ корнями словъ индоевропейскихъ, напр. дѣва и div (блестѣть), откуда скр. dêvas (= daivas), лѣпъ и скр. lip (мазать) и множество др. Что касается до гуны или простаго поднятія звука *у* въ славянскомъ языкѣ, то уже давно объяснены имъ въ трудахъ г. Буслаева формы: слово, плову и др. Сюда же, къ этому закону необходимо пріурочить и опущенное г. Буслаевымъ образованіе существительныхъ: бой, пой, лой, гной (срв. изгой) и т. д., гдѣ *ой* есть гуна отъ *и*, слѣдовательно, по происхожденію своему, то-же что *ѣ*. Это-то на первый взглядъ кажу-

щееся не соотвѣтствіе *ой* звуку *ъ*, безъ сомнѣнія, и было причиною особаго его объясненія въ исторической грамматикѣ, посредствомъ вставки *о*. А между тѣмъ, стоитъ только обратиться къ санскриту, на который любитъ ссылаться г. Буслаевъ, чтобы вопросъ разрѣшился самъ собою.

Въ санскритѣ звукъ *ê*, выражающій гуну отъ *и*, равносильный славянскому *ъ* (= *аи*), пишется только передъ согласными; онъ тотчасъ же разлагается въ *аи* (= *аі*), какъ скоро долженъ слѣдовать за нимъ гласный звукъ. Такъ, *ni*, съ значеніемъ вести, образуетъ, посредствомъ поднятія *і* въ *ê* и окончанія tram, существительное nêtram, съ значеніемъ глазъ; тогда какъ 3-е лице единственнаго настоящаго времени, въ которомъ участвуетъ соединительный гласный *а* между темою и окончаніемъ, будетъ najati (ведетъ); bhi (бояться), сущест. bhajas (страхъ), гдѣ поднятое *і* въ *аj* такъ и осталось передъ окончаніемъ темы существительнаго на *а* (въ именат. *а-s*); или *çi* (лежать), существ., съ окончаніемъ ana, çajâna (постель), çaja (лежащій, спяшій) употребительное лишь въ сложныхъ словахъ.

Принимая въ соображеніе господствующее правило славянскаго языка, по сравненію съ санскритомъ, переводить короткое *а* послѣдняго въ звукъ *о*, мы ни мало не можемъ сомнѣваться, что и существительныя: бой, лой развились изъ корней *би* и *ли* посредствомъ подобнаго же поднятія звука *и* (бojaлоja). Существительное боязнь, сопоставленное съ корнемъ bhi и происшедшимъ отъ него bhajas, служитъ наглядным доказательствомъ такаго, я не инаго значенія звука *ой*, въ словахъ бой, пой и др.

Какъ *ê* превращается въ *аj*, такъ и *ô*, гуна отъ *у*, разлагается въ санскритѣ въ *ав* (= *ау*) передъ гласнымъ. Отсюда, çru (слышать) существ. çrôtṛ (слушатель), çrôtram (ухо) и çravana (слушаніе), çravas (слава); bhu (быть) bhavati; при господствующемъ соотвѣтствіи короткаго *а* славянскому *о*, форма *ав* изъ *у* должна явиться въ славянскомъ въ видѣ *ов*.

Это мы и находимъ въ существительныхъ отровъ, слово, или въ глаголахъ слову, плову отъ тру, слу, плу. Но г. Буслаевъ сюда же относитъ и слава, плавить и т. п. Едва-ли можно согласиться съ этимъ, и едва-ли не справедливѣе видѣтъ въ данномъ случаѣ второй способъ поднятія, т. е. вриддги отъ *y*, являющееся въ санскритѣ въ формѣ *âu* передъ гласными звуками. Только долгое *a* замѣняется въ славянскомъ посредствомъ *a*, короткое же, какъ имѣли случай убѣдиться, большею частью обращается въ *o;* а потому и въ формахъ слава, плавать гораздо основательнѣе допустить двойное поднятіе, соотвѣтствующее санскритскому *âv*, напр. въ bhâvas отъ bhu (существованіе, бытіе, existentia).

Двойнымъ способомъ поднятія позволяемъ мы себѣ объяснять и форму глагола напаяти, при корнѣ пи (ти) и существ. пой (въ водопой), и, такимъ образомъ, заключать о несомнѣнномъ сохраненіи въ славянскомъ языкѣ обоихъ видовъ поднятія, соотвѣтствующихъ санскритскимъ гунѣ и вриддги.

Въ § 28, разсуждающемъ о звукахъ носовыхъ, желательно бы было также встрѣтить больше существенныхъ указаній на свойства этихъ звуковъ и ихъ происхожденіе. Авторъ же ограничился опредѣленіемъ лишь немногихъ случаевъ, въ которыхъ русскій языкъ хранитъ въ формахъ своихъ слѣды происхожденія отъ носовыхъ гласныхъ, да бѣглымъ указаніемъ на случаи употребленія ихъ въ нарѣчіи церковно-славянскомъ. Между тѣмъ и учащійся, не рѣдко и учащій останутся въ недоумѣніи, почему въ настоящемъ времени начь неть, дъметь, а въ неопредѣленномъ наклоненіи начѧти, дѫти; на какомъ основаніи одно и то-же слово жѧти образуетъ и жьнеть и жьметь. Правда, г. Буслаевъ говоритъ, что первоначально глаголы начать, мять, жать писались начѧти, мѧти, жѧти, т. е. начьнти, мьнти, жьнти, но откуда равенство ѧ-са сочетанію ън, что это за сочетаніе, основное оно или второобразное, и когда-же требуется вмѣсто ѧ — ѫ равносильныя имъ ъм, ън — ъм, — на такіе вонросы отвѣта нѣтъ. А только предварительнымъ рѣше-

ніемъ этихъ вопросовъ можно довести до яснаго уразумѣнія какъ формы въ словообразованіи, такъ и въ словоизмѣненіи; только тогда пойметъ учащійся причину различія формъ, напр. жну, мну и жать, мять, когда узнаетъ, что носовые звуки въ церковно-славянскомъ парѣчіи имѣютъ мѣсто лишь передъ согласными, разлагаясь въ гласную съ носовою согласною тотчасъ-же, какъ скоро за нею долженъ слѣдовать гласный звукъ; отсюда: жѧ-ти и жьнѫ, мѧти имьнѫ, потомуже и жѧтъ, мѧтъ, рус. жать мять. На такомъ-же основаніи и дѫти, дѫтъ, настоящее дъмѫ, въ русскомъ просторѣчіи и въ малорусскомъ нарѣчіи дму.

Тогда только будетъ ясно, что имѣть и воня (въ благовоніе) однаго происхожденія — первое съ ять (= ѣти), второе съ ухать (въ благоуханіе), когда докажется, что ѫ и ѧ, или такъ называемые юсы суть не что иное, какъ за мѣна коренныхъ *ам*, *ан* или *јан*, обращенныхъ, по свойству славянскаго языка, въ *ън* или *ъм*, которыя и являются, какъ видѣли, вмѣсто ѧ и ѫ передъ гласными звуками. Отсюда, славянскіе ѧ и ѫ, въ языкахъ родственныхъ, не развившихъ носовыхъ гласныхъ, и замѣняются посредствомъ *ап*, *ат*, *ет*, *ен*, *іп*, *ип*, *ит*, какъ въ скр., греч., лат., готск. и др. Отсюда же понятно, почему и имѣть одного происхожденія съ ять, т. е. ѣти = ьмти, скр. јат, съ тѣмъ же значеніемъ брать; и какъ имѣть образовано посредствомъ новаго звука ѣ (им-ѣ-ть), передъ которымъ ѧ должно разложиться на составные звуки *ъм*, и какъ ъ въ началѣ словъ произносится за *и*, то и необходима форма имѣть. Такъ же точно и мѣстоименіе *и* (въ иже, ѥже, кже) стоитъ вмѣсто ъ (=*јъ*=скр. *ја-s*), которое немедленно и является, какъ только впереди обнаруживается согласный *н:* на *нъ*. Существительное вонь, церковно-словянское вонѩ одинаково объясняется изъ носоваго ѫ въ ѫхати. Корень ѫ является въ видѣ *ап* въ родственныхъ языкахъ, съ тѣмъ же значеніемъ — дуть, дышать: скр. anila, лат. anima, animus, греч. ἄνεμος (душа, духъ). Это церковно-словянское ѫ,

замѣнившее *ап*, и удержалось передъ согласныхъ χ въ ѫхати (ѫ есть придыханіе, собственно ѫ-х-ати), рус. ухать, и тотчасъ же перешло въ *он* (= ѿн), какъ только за нимъ оказался образовательный гласный ѿ (въ рус. ъ): вонѿ (вонь). Звукъ *в* есть такой же придыхательный здѣсь, какъ въ словахъ восемь, вострый и др.

Напомню и о неточностяхъ въ § 29, въ статьѣ о рус. полногласіи. Г. Буслаевъ объясняетъ это замѣчательное и исключительное свойство вообще русскаго языка, сравнительно со всѣми остальными нарѣчіями славянскими, тоюже *вставкою о* или *е* передъ гласными *р* и *л*, откуда еле, ело, оло, ере, оро, вмѣсто церковно-славянскихъ: *ла*, *лъ*, *ле*, *ра*, *ръ*, *ре*. Не знаю, какъ смотритъ г. Буслаевъ на мое мнѣніе объ образованіи и происхожденіи рус. полногласія, и раздѣляетъ ли онъ мысль, что звуки *е* и *о* обязаны въ немъ единственно поднятію гласныхъ *р* и *л* (см. о рус. полногласіи, Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н.), но то несомнѣнно, что приведенное опредѣленіе г. Буслаевымъ ни въ одномъ учебникѣ не должно имѣть мѣста. Развѣ каждое церк.-слав. *ла*, *лъ*, *ра*, *ръ* и обращается въ русскомъ въ *еле*, *ело*, *оло*, *оро?* Вполнѣ умѣстно замѣтилъ по этому поводу г. Гаттала, въ рецензіи на первое изданіе грамматики г. Буслаева, что неужели слѣдуетъ сюда отнести и церк. ласица и рѣка и неужели слова эти должны въ рус. произноситься олосица или елесица и ерека или орока? (см. Úvaha o Θ. И. Б. опытѣ истор. грам., v. Praze, 1852 г., стр. 25). Увѣрены, что г. Буслаеву очень хорошо извѣстно, что рус. полногласіе имѣетъ мѣсто единственно въ томъ случаѣ, когда *р* и *л* предшествуются другими согласными, — но тѣмъ страннѣе такая неточность во 2-мъ изданіи, особенно послѣ указанія на нее г. Гатталы.

Въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ отмѣтимъ и поспѣшное объясненіе рус. формы названія города Римъ мало-русскимъ переходомъ *о* въ *и*. Неужели всѣ Славяне, всѣхъ поколѣній, съ отдаленнѣйшихъ временъ употребляя Римъ, заимствовали такое

произношеніе отъ малорусскаго нарѣчія: едва-ли послѣднее и само-то существовало въ ту пору, когда Полякъ началъ произносить Rzym, Чехъ Řim, Сербо-Хорватъ Римъ. Причина, такимъ образомъ, перехода въ этомъ словѣ *о* въ *и* должна быть общая, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не заимствованіе изъ малорусскаго, въ которомъ именно эта особенность должна быть отчислена въ рядъ позднѣйшихъ явленій.

На стр. 30, въ прим. 8, чешское простонародное *ej* изъ *ы* объясняется такъ: «въ чеш. нарѣчіи *ъ* переходитъ въ *е*, и потому *ы* (какъ сложное изъ *ъ* и *и*) въ *ej;* напр. беи ти — быти». Дѣйствительно, случаевъ не мало, гдѣ ст. слав. *ъ* обращается въ чеш. въ *е;* случаи эти преимущественно относятся къ сложнымъ словамъ съ предлогами, оканчивающимися на *ъ;* напр.: събрати, рус. собрать, чеш. sebrati; въ гънати, вогнать, vehnati; равно существительныя, оканчивающіяся въ ст. слав. на ъкъ: пѣсъкъ, пѣсокъ, pisek. Но такое явленіе ни мало не касается представленнаго примѣра съ *ы* и всѣхъ ему подобныхъ. Г. Буслаевъ, очевидно, увлекся современнымъ произношеніемъ и правописаніемъ, опустивъ изъ виду историческое развитіе этого звука. При вниманіи къ исторіи нарѣчія чешскаго, онъ бы увидѣлъ, что еще въ XV, даже въ XVI стол. это *ej* писалось обыкновеннѣе черезъ *aj* и уже въ силу укоренившагося, по преимуществу въ чеш. нарѣчіи, перегласованія *а* въ *е* явилось въ новое время *ej*.

Говоря о случаяхъ употребленія звука *ѣ*, авторъ (стр. 38) замѣчаетъ: «слова надежда и одежда уже въ древнемъ цсл. имѣютъ *е* вм. *ѣ*, потому-что происходятъ не прямо отъ корня *дѣ*, а отъ удвоенія его въ формѣ *дед*»; за этимъ тотчасъ же слѣдуетъ: «равномѣрно и рекѫ, рекъ, рещи уже въ древнемъ цсл. имѣютъ *е* при формѣ прошедшаго времени рѣхъ». Что же это значитъ? Неужели въ словахъ рекѫ, рекъ и рещи употреблено *е* вм. *ѣ?* Судя по способу выраженія *равномѣрно*, приходится заключить, что такъ дѣйствительно полагаетъ г. Буслаевъ, а между тѣмъ такое мнѣніе было-бы въ высшей сте-

пени невѣрно. Форма рѣхъ, какъ постараемся показать въ отдѣлѣ спряженій, столь же законно и необходимо требуетъ *ѣ*, какъ законно и единственно справедливо *е* въ рекѫ, рекъ и т. д. Все различіе заключается въ образованіи различныхъ формъ, и въ такой же мѣрѣ *е* не стоитъ вмѣсто *ѣ*, въ какой *ѣ* вм. *е*.

На стр. 46, въ прим. 4, слово дзень вм. день отнесено къ нарѣчію чешскому, конечно, по ошибкѣ.

Въ заключеніе обзора системы гласныхъ звуковъ въ истор. грамматикѣ позволимъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: если-бы г. Буслаевъ внимательнѣе остановился на двухъ существенныхъ свойствахъ гласныхъ, на сравнительной тяжести и слабости ихъ и на вытекающей отсюда способности къ усиленію и ослабленію, а также на законѣ поднятія основныхъ гласныхъ, то можно быть увѣреннымъ, что отдѣлъ о гласныхъ не страдалъ-бы не опредѣленностью, иногда противорѣчіемъ, часто смѣшеніемъ различнаго и раздѣленіемъ тожественнаго. Самъ собою вытекъ бы у него и законъ перегласованія гласныхъ, столь важный въ новыхъ нарѣчіяхъ и совершенно скрытый въ исторической грамматикѣ. Тогда только §§ 27, 29 и 30 получили бы надлежащій свѣтъ и прочныя причины и не представлялибы голаго собранія случайныхъ правилъ, исходящихъ не изъ какаго-либо опредѣленнаго закона, а больше изъ механическаго подбора фактовъ. Этотъ механизмъ особенно рѣзко даетъ себя чуствовать на стр. 43 — 46 и 52 — 55, по поводу сужденій о соотвѣтствіи цсл. звуковъ ъ и ь звукамъ рус. языка и о перемѣнѣ гласныхъ.

Въ отдѣлѣ о звукахъ согласныхъ (стр. 58 — 83) имѣемъ мы сказать меньше, такъ какъ въ немъ вообще больше исправности.

Намъ кажется прежде всего излишнею латинская терминологія для обозначенія согласныхъ звуковъ, тѣмъ болѣе, что принятые уже термины свои, славянскіе, и проще и вразумительнѣе, да точнѣе опредѣляютъ и дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, какой доступный уму учащагося могутъ имѣть смыслъ выраженія:

звуки средніе (mediae) и тонкіе (tenues)? Не гораздо-ли понятнѣе, напротивъ, термины: звучные и отзвучные, особенно когда ими такъ наглядно выражается и характеръ замѣны первыхъ послѣдними? Правда, въ филологіи господствуетъ латинская терминологія; но едва-ли бы не было для нея достаточно въ славянскомъ звукоученіи мѣста въ скобкахъ, чтобы указать только на отношеніе къ чужой терминологіи.

Самое обширное мѣсто въ ученіи о звукахъ согласныхъ дано вопросу о переходной смягчаемости зубныхъ и гортанныхъ. Случаевъ собрано огромное множество, порядокъ размѣщенія ихъ логичный, говорамъ народнымъ предоставлено самое широкое значеніе. Въ этомъ отношеніи, историческая грамматика и тутъ въ отечественной литературѣ не имѣетъ себѣ соперника. Но, къ сожаленію, и здѣсь нѣтъ принципа, изъ котораго бы вытекало ученіе о смягчаемости; г. Буслаевъ началъ-было съ него, нолишь коснулся мелькомъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи порвалъ съ нимъ всякую связь. Чрезъ это и переходная смягчаемость является случайностью; нѣтъ возможности рѣшить, почему въ данныхъ примѣрахъ существуетъ она, а въ стоящихъ около, при одинаковыхъ, по видимому, условіяхъ, не допускается.

Легко, конечно, выдержать опредѣленность и рѣшительность при обозрѣніи смягченія гортанныхъ, благодаря искони развившейся въ языкѣ славянскомъ несочетаемости ихъ со всѣми узкими гласными: *ѣ, е, и, ѣ, ъ, ю;* хотя и тутъ остается еще вопросъ: когда же смягчаются они въ свистящіе и когда въ шипящіе? Но совсѣмъ иное при звукахъ зубныхъ, *д* и *т*, могущихъ сочетаться со всѣми гласными, и широкими и узкими. Почему, напр., въ словѣ рождьство, рус. рожество, д смягчилось, а въ словѣ, напр., господьство этого смягченія не видно? Подобнымъ же образомъ въ свѣча (= црк. сл. свѣшта, свѣща), *т* обратилось въ шт (= щ = рус. ч), а въ хоть, хотѣніе и иныхъ осталось не измѣннымъ; равно вѣждь и даждь требуютъ перехода *д* въ *жд*, а будь (= цсл. бѫди) нѣтъ.

Общій принципъ выраженъ г. Буслаевымъ (стр. 61) такъ: «самое обширное значеніе, въ цсл. и русскомъ (а въ остальныхъ нарѣчіяхъ родственныхъ развѣ не тоже, а въ нѣкоторыхъ и еще не больше?) получило придыханіе *і (j)*. Оно имѣетъ способность смягчать какъ гласные звуки, приставляясь передъ ними, напр. *а* въ *я*, такъ и согласные, слѣдуя за ними; напр. богъ, бож-ій. Смягчительная сила этого звука оказывается и въ сокращеніяхъ его: *ъ* и *й*, изъ которыхъ первое смягчаетъ согласные, за которыми слѣдуетъ, богъ, цсл. бож-ь-ство, рус. бож-е-ство; а второе гласные, передъ которыми оказывается; напр. покой, род. пад. поко-я». Оставляя въ сторонѣ смягченіе гласныхъ, мы не можемъ не возразить автору, какое цсл. *і*, или сокращеніе его *ъ*, требуетъ смягченія? Что не всякое, видно, напр., изъ слѣдующихъ случаевъ: наряду съ божьство, мы поставимъ вѣдьство, господьство и др.; рядомъ съ божій, мужь, имѣемъ голубь, зять, пятьнъ и, въ свою очередь, голюбль, медвѣдь и медвѣжь, рус. медвѣжь. Всматриваясь внимательнѣе въ положенія автора, не можемъ не отмѣтить, во первыхъ, смѣшенія имъ гортанныхъ звуковъ вообще съ смягчаемыми звуками губными и зубными, во вторыхъ, смѣшенія двойственнаго характера звука *ъ*.

Звуки гортанные, какъ уже сказали выше, еще въ доисторическую пору развили смягчаемость, на почвѣ славянскаго языка, передъ узкими гласными вообще; хотя очевидно, нѣкогда и въ слав. языкѣ смягчаемость гортанныхъ принадлежала только сопровождавшему ихъ *j*, подобно греческому языку, гдѣ находимъ еще μέγιστος, латин. magis, и въ тоже время μείζων, вм. μέγιων, ἐλάσσων вм. ἐλάχιων, κράζω вм. κράγιω. Совсѣмъ другое относительно губныхъ и зубныхъ. Тутъ узкіе гласные не имѣютъ никакаго вліянія на смягчаемость, которая принадлежитъ (въ цсл. и рус.) единственно одному *j* или смѣнившему его въ цсл. письменности *ъ*. Свойство зубныхъ, подобное гортаннымъ, развилось лишь въ нарѣчіяхъ Польскомъ и лужиц-

комъ, да въ говорѣ бѣлорусскомъ, въ которыхъ *д* и *т* переходятъ вообще передъ узкими гласными въ *дз*, *з* и *ц*.

Еще болѣе запутанности произошло отъ неразличенія ъ, имѣющаго въ цсл. письменности двоякое значеніе, обусловленное двоякимъ его происхожденіемъ и, въ слѣдствіе сего, являющагося съ различными требованіями и по отношенію къ смягчаемости согласныхъ. Съ одной стороны, ъ все цѣло равняется основному звуку *и* (= *i*), какъ въ словахъ: зѧть, пѫть, голѫбь и вообще во всѣхъ существительныхъ муж. рода на ъ, удерживавшихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ особое склоненіе, сходившееся съ склоненіемъ на ъ женскаго рода; съ другой — ъ замѣняло чуждое цсл. письменности *jъ*, происшедшее изъ основнаго *ja*. Сюда относятся и всѣ слова муж. рода на ъ, склоняющіяся подобно словамъ тогоже рода на ъ (основное *а*) лишь съ соотвѣтственною замѣною широкихъ гласныхъ узкими (а — я, у — ю, о — е, ѣ — и, ы — ѧ). Первое ъ, какъ равное звуку *и*, чуждо требованія смягчаемости (за исключеніемъ гортанныхъ); второе, напротивъ, не разлучно съ нимъ. Отсюда: чрьвь (= рус. червь), скр. kŕmi-s, лат. vermis; гость, латин. hostis, господь и др. являются безъ малѣйшаго слѣда смягчаемости тогда какъ мѫжь, тоуждь, госпожь, голѫбль, ѩковль и под. предлагаютъ уже согласные смягченными, именно потому, что въ нихъ ъ равносиленъ *jъ*, а это соотвѣтствуетъ *ja*, какъ скр., напр., divjas должно явиться въ славянскомъ, по формѣ, только въ видѣ дивль (отъ дивъ). Отсюда понятна и ошибка г. Буслаева на стр. 188, гдѣ онъ объясняетъ подобныя прилагательныя суффиксомъ *и* (= *i*). Вотъ эта-то особенность звука ъ и неразрывно связанный съ нимъ вопросъ о йотацизмѣ, объясняющій въ самомъ происхожденіи важное явленіе въ слав. языкѣ, такъ называемую смягчаемость, и опущена безъ вниманія г. Буслаевымъ; отъ этого и весь отдѣлъ о смягченіи согласныхъ страдаетъ какою-то недосказанностью, невыясненностью; положенія идутъ одни за другими, примѣры поражаютъ своимъ

мѣстоименная форма, въ цсл. нарѣчіи, чесо. До какой степени забылось въ послѣдствіи это окончаніе и, съ другой стороны, какъ сильно воздѣйствіе новаго, сдѣлавшагося общимъ на старое, видно изъ употребленія вм. чесо очень не рѣдко чесого, дат. чесомоу и т. д. Такаго явленія не могло-бы быть, еслибы *с* смѣнило обще господствующее *г;* да и за чѣмъ-же произошлабы такая смѣна, и при томъ для одного словца мѣстоименнаго?

На стр. 68, § 36, прим. 1, проводя смягченіе зубныхъ по нарѣчіямъ славянскимъ, г. Буслаевъ утверждаетъ, что словацкое нарѣчіе смягчаетъ *д* въ *дз:* нудза = нужда. Такое положеніе крайне неточное, прямѣе сказать — ошибочное. Смягченіе *д* въ *дз* есть рѣдкость въ нарѣчіи словацкомъ и принадлежитъ исключительно говорамъ, сосѣднимъ съ польскими поселеніями. Въ ошибку впасть, дѣйствительно, не трудно, если руководиться какою либо грамматикой или сочиненіемъ, писанными именно на одномъ изъ такихъ ополяченныхъ говоровъ. Извѣстно, до какой степени Словаки перебродили по всѣмъ почти обильнымъ говорамъ своимъ, отыскивая пригоднѣйшій для вырабатываемаго ими отдѣльнаго языка литературнаго. Не удивительно, если подобныя пробныя сочиненія сбили и г. Буслаева; но мы рекомендуемъ ему пересмотрѣть новое изслѣдованіе о говорахъ чешско-словенскихъ, составленное знатокомъ ихъ, г. Шемберой (Základové dialektologie česko-slovenské. A. V. Šembera, ve Vídni, 1864). Тамъ удостовѣрится онъ, что изъ принимаемыхъ г. Шемберой II говоровъ словацкихъ, только *три*, именно сосѣдніе съ польскимъ нарѣчіемъ, способны къ указанному смягченію зубнаго *д*. Выводить же отсюда общее заключеніе значило-бы тоже, еслибы мы въ числѣ отличительныхъ признаковъ рус. языка указали на дзяканье и цяканье Бѣлоруссовъ.

Трудно согласиться и съ надлежащею точностью въ столь ученомъ трудѣ слѣдующаго выраженія, по поводу формъ дроуже и дроузи, происшедшихъ черезъ смягченіе отъ дроугъ «потому, что твердый *ъ* измѣнился въ мягкіе *е* и *и*» (стр. 73).

богатствомъ и разнообразіемъ, но не видать исходной точки и все какъ будто подчинено прихотливой случайности.

Въ статьѣ объ измѣненіи, выпаденіи и вставкѣ согласныхъ (§ 38), на стр. 79 и 81, читаемъ о выпаденіи передъ *н* зубныхъ *д*, *т* и губныхъ *б* и *п*. Г. Буслаевъ позволитъ намъ отмѣтить значительную неполноту въ этомъ правилѣ. Изъ губныхъ звуковъ нетолько *б* и *п* выбрасываются передъ *н*, но и *в* и *м*: въ словахъ плынуть (мр. плынь), ринуть, — устраненіе *в* передъ *н* очевидно, какъ въ грянуть выброшнно *м*; еще болѣе забывчивости относительно звуковъ гортанныхъ *г* и *к*, выпаденіе которыхъ передъ тѣмъ-же *н* доказывается обильнымъ количествомъ словъ: двинуть, дернуть, тянуть, тронуть, брызнуть, или: тиснуть, плеснуть, прыснуть, вм. тискнуть и т. д.

Заключу и отдѣлъ о согласныхъ звукахъ указаніемъ на промахи или неточности въ частностяхъ.

На стр. 64, въ § 32, авторъ открылъ переходъ *г* въ *с*, въ цсл. мѣстоименіи чесо вм. чего. Изъ того, что позднѣйшая, по своему происхожденію, форма родит. на *го* сдѣлалась господствующею и всеобщею, не слѣдуетъ вовсе, чтобы древнѣйшее и основное окончаніе могло быть замѣною новаго. Г. Буслаевъ самъ неоднократно заявлялъ, что для опредѣленія древнихъ свойствъ языка славянскаго не достаточно одной области славянской, что многое въ немъ, недосягаемое исторіею слав. письменности, можетъ и должно объясняться древнѣйшими родственными языками, болѣе счастливыми, по сохраненію памятниковъ отдаленнѣйшей старины (срв. истор. граммат., стр. 90, примѣч.). А ему не безъизвѣстно, что первоначальная форма родит. пад. въ санскритѣ, напр., есть sja или sa, изъ которой, посредствомъ замѣны придыхательнаго *s* придыхательнымъ *j*, образовался гомерическій родит. пад. въ греч. на οιο: vṛkasja — λυκοιο, tasja — τοιο, а съ отверденіемъ *j* до *г* образовался и славян. род. падежъ на *го:* того. Какъ будто для практическаго доказательства такаго развитія нашего родит. падежа и уцѣлѣла

Г. Буслаеву должно быть извѣстно, что *ъ* такойже самостоятельный признакъ именит. падежа, какъ самостоятельны *е* для зват. падежа и *и* для именит. множественнаго. Не потому *г* измѣнилось въ *ж* и *з*, что *ъ* перешелъ въ другіе гласные, а потому, что онъ встрѣтился съ такими признаками звательн. единственнаго и именит. множественнаго, которые непремѣнно требуютъ превращенія его въ свистящій или шипящій звуки.

На ряду съ неточнымъ объясненіемъ формы чесо, встрѣчаемъ подобную-же неточность и вовзглядѣ на окончаніе *съ* прошед. времени. Г. Буслаевъ утверждаетъ, что такое окончаніе «хотя и смягченное, но древнѣйшее, вмѣсто-общеупотребительнаго несмягченнаго *хъ*» (стр 70, 4). Ежели *съ* есть форма смягченная, а *хъ* несмягченная, то, очевидно, что первая образовалась изъ послѣдней, — а въ такомъ случаѣ, какъ же возможна большая древность окончанія *съ* сравнительно съ *хъ*, что̀ утверждаетъ авторъ? Тутъ прямое противорѣчіе, съ одной стороны, и неправильность съ другой, если окончанію *хъ* придается основный характеръ. Тоже самое подтвердилъ г. Буслаевъ и на стр. 178 и 179, прим. 4, замѣтивши, что звукъ *с* вм. *х*. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, звукъ *с* въ аористѣ есть древнѣйшій характеристическій звукъ этого времени; происхожденіе его объясняется бѣглымъ сравненіемъ съ санскритомъ и греческимъ изъ вспомогательнаго глагола asam (въ прошед. врем. отъ *as*= быть), являющагося въ сложеніи съ другими глаголами для образованія аориста перваго, что̀ въ греч. образуетъ окончаніе σα (вм. σαν = sam), а въ славянскомъ *съ*. Авторъ историч. грамматики не пропустилъ сдѣлать сопоставленіе съ греческимъ аористомъ (см. Приложеніе, стр. 259), и при всемъ томъ смотритъ на *с*, какъ на замѣну *х*, развившагося уже въ послѣдствіи, на почвѣ славянскаго языка, изъ *с* точно также, какъ *хъ* въ мѣстномъ падежѣ множеств. числа смѣнило первоначальное *съ*, уцѣлѣвшее лишь въ мѣстоименіяхъ насъ, васъ и вполнѣ соотвѣтствующее санскритскому *su* илп *ѕи*. Вотъ почему считаемъ мы себя въ правѣ повторить тоже замѣчаніе и о взглядѣ

г. Буслаева на приведенные имъ примѣры изъ древнечешскихъ грамотъ на мѣстный падежъ множ. числа съ окончаніемъ *as* (= *ась*), которое онъ, одинаково съ аористомъ, считаетъ вмѣсто *хъ*.

На стр. 80, въ прил. 2, г. Буслаевъ отличіемъ юговосточныхъ слав. нарѣчій отъ западныхъ считаетъ, между прочимъ, *вставку д* передъ *л*, въ подобныхъ словахъ, какъ: мыдло, кридло и др. Послѣ того, какъ словообразованіе ст. слав. нарѣчія съ подробностью и обстоятельностью изложено г. Шлейхеромъ, сравнительно съ родственными языками (Formenlehre der Kirchen-Slav. Sprache, 1852), можно уже положительно измѣнить опредѣленіе этого отличія западныхъ нарѣчій. Окончаніе *дло* все цѣло соотвѣтствуетъ скр. tram, греч. τρον, лат. trum, съ естественнымъ измѣненіемъ въ славянскомъ *t* передъ *л*, смѣнившимъ *р* (=*r*), въ *д: (о)* рало. чеш. oradlo, скр. aritram, греч. ἄροτρον, лат. aratrum (стр. 174).

Вторая глава исторической грамматики, посвященная «образованію словъ», должна считаться самыхъ богатымъ и обработаннѣйшимъ отдѣломъ первой части. А между тѣмъ нельзя отрицать, что именно эта-то сторона наименѣе и обращала на себя вниманія спеціалистовъ отечественныхъ, и до грамматики г. Буслаева представляла едва тронутую почву. Неудивительно послѣ этого, что авторъ, понимая особенную важность этой части грамматики, посвятилъ ей цѣлую треть книги и разсыпалъ въ обиліи обширный запасъ матеріаловъ и знанія. И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, дано также видное и вполнѣ законное мѣсто областнымъ говорамъ, съ ихъ разнообразнымъ и часто оригинальнымъ способомъ словообразованія. Можно утвердительно сказать, что въ этомъ отношеніи грамматика г. Буслаева на долго останется единственнымъ пособіемъ, и нетолько для учащихъ и учащихся, но и для ученыхъ, по дорогому собранію фактовъ языка, нуждающихся въ обслѣдованіи. Мы не оскорбимъ ни мало достоинства труда г. Буслаева, если откровенно скажемъ, что научное обслѣдованіе слово-

образованія еще впереди, и въ исторической грамматикѣ положено лишь первое начало, скорѣе разставлены только вѣхи, подъ которыми придется работать.

Не входя въ особыя подробности, требующія на столь много и мѣста, и времени и труда, что удобнѣе было-бы предпринять цѣльное изслѣдованіе, мы приведемъ, на этотъ разъ, лишь мелкія замѣтки, вызываемыя самымъ настоятельнымъ сомнѣніемъ и недорозумѣніемъ.

При объясненіи образованія глагола ид-ти (стр. 95, § 49), читаемъ: «нынѣ употребительная форма и-д-ти, или и-т-ти, образовалась *не отъ настоящаго времени* и-ду, а отъ усиленія древней формы ити, помощію удвоенія звука *т*, перешедшаго, по сродству, въ *д* въ формѣ идти»; о томъ же самомъ, на стр. 197, находимъ такое заключеніе: «цсл. глаголъ и-ти, для образованія темы настоящаго времени, присовокупляетъ *д* къ *и*: идѫ, наше иду, идешь и проч. Русскіе грамматисты произвели неопредѣленное наклоненіе уже *отъ настоящаго времени:* ид-ти (пишутъ также ит-ти»). Какъ понимать это мѣсто, — какъ противорѣчіе автора самому себѣ, или какъ упрекъ рус. грамматистамъ, вздумавшимъ производить форму идти отъ иду, тогда какъ она образовалась просто усиленіемъ *т* и превращеніемъ этого *т* въ *д?* Противорѣчіе слишкомъ было-бы очевидно и допустить его тѣмъ труднѣе, что авторъ, при послѣднемъ заключеніи, дѣлаетъ сылку на § 49, гдѣ говорится категорически объ образованіи идти черезъ усиленіе *т*. Между тѣмъ въ рецензіи на первое изданіе, г. Гаттала старается доказать неправильность взгляда на происхожденіе неопредѣленнаго наклоненія идти черезъ усиленіе *т;* оставаясь при прежнемъ мнѣніи, не хотѣлъ ли г. Буслаевъ указаніемъ на участіе рус. грамматистовъ еще больше подкрѣпить его и раскрыть источникъ, откуда явилось правописаніе идти вм. итти, давшее поводъ производить эту форму отъ настоящаго времени? Такъ побуждаетъ думать замѣтка автора на стр. 79, гдѣ читаемъ: «вмѣсто итти иные пишутъ идти», и гдѣ указывается форма

итьти, въ патерикѣ печерскомъ, и ийти, въ употребленіи въ XVIII вѣкѣ. Но съ такимъ мнѣніемъ мы позволимъ себѣ не согласиться, и вотъ наше основаніе.

Во а) при формѣ ити нѣтъ рѣшительно побужденія для языка усиливать *т* удвоеніемъ; постановка согласной среди гласныхъ, столь опредѣленныхъ по своему произношенію, устраняетъ всякую необходимость удвоять согласную; она и не удвояется въ томъ же глаголѣ, при сложеніи его съ предлогами: сойти, найти, войти. Во б) вставное *д* въ настоящемъ времени, не принадлежащее не только корню, а и темѣ слова, является, однакоже, въ образованіи другихъ временъ и въ иныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ: серб. знадем даетъ прошед. знадох, имадем — имадох, хтедем — хтедох; сюда же можно отчислить и бѫдѫ съ прошедшимъ древне-русскаго языка будяхъ. Въ в) вліяніе формы, принятой за основную, на образованіе остальныхъ формъ предлагаетъ много примѣровъ и въ рус. языкѣ: историческая грамматика г. Буслаева даетъ и для этого богатый матеріалъ. Такъ, областныя выраженія пекёшь, ткешь, могёшь и др., развѣ не первому лицу обязаны не смягчаемостію гортанныхъ? Народъ утратилъ чувство необходимаго смягченія и, незадумываясь, удержалъ согласный звукъ въ томъ же видѣ, въ какомъ произноситъ его въ первомъ лицѣ. Или образованіе также областнаго неопредѣленнаго наклоненія, по нѣкоторымъ сѣвернымъ говорамъ: жегчи, пекчи, выпрягчи и др. (срв. ист. грам. 81, прим. 3)—развѣ не подобнымъ же образомъ объясняются изъ настоящаго жгу, пеку, выпрягу? Принимая во вниманіе замѣтку г. Буслаева, будто въ послѣднихъ примѣрахъ звукъ *ч* смягчился изъ *т*, видно, что онъ и тутъ понимаетъ дѣло иначе, но положительно безъ основанія: переходъ *т* въ *ч* въ неопредѣленномъ наклоненіи былъ бы явленіемъ безпримѣрнымъ въ рус. языкѣ, какъ и вообще во всѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ зубные не пріобрѣли еще свойства смягчаться передъ всякимъ узкимъ гласнымъ; не даромъ, примѣры такаго мнимаго смягченія огра-

ничиваются лишь приведенными случаями, т. е. такими, въ которыхъ это *ч* зависитъ отъ соединенія гортанныхъ съ *т*, что образовало искони въ ст. слав. *шт* или *щ*, въ рус. *ч*, въ чешск. польск., лужиц. *ц* и т, д. Отсюда, ежели мы встрѣчаемъ форму пекчи и под., то ясно, что происхожденіе ея обязано единственно удержанію древняго и органическаго окончанія *чи* и присоединенію къ нему гортаннаго согласнаго въ настоящемъ времени, при утратѣ чутья, что этотъ гортанный уже и безъ того находится въ конечномъ звукѣ *ч*. Малорусское нарѣчіе поступило послѣдовательнѣе въ этомъ случаѣ: оно, заимствовавъ отъ настоящаго тематическій согласный звукъ, разумѣется, гортанный, удержало въ надлежащемъ видѣ и признакъ не опредѣленнаго наклоненія *ти:* текти, пекти, могти. Думать, что формы эти въ мр. первоначальныя, оставшіяся невредимыми отъ доисторической поры, какъ отчасти намекаетъ и г. Буслаевъ (тамъ-же, стр. 81, прим. 3), не возможно уже потому, что смягченіе гортанныхъ съ *т* въ *шт*, *ч*, *ц* есть исконное и общее свойство всѣхъ слав. нарѣчій, а слѣдовательно и общаго славянскаго языка, что затерялось оно единственно въ силу утраты сознанія и чутья къ этому свойству, при чемъ и непосредственное соединеніе гортанныхъ, участвующихъ въ основной формѣ настоящаго, съ *т* въ неопредѣленномъ сдѣлалось возможнымъ и естественнымъ. Въ г) наконецъ, развитіе формы идти изъ настоящаго времени подтверждается и оправдывается образованіемъ новаго вида неопредѣленнаго наклоненія, подобнымъ же образомъ, отчасти и въ томъ же глаголѣ, и въ чешскомъ нарѣчіи. Въ немъ, въ простонародномъ говорѣ, встрѣчаемъ мы формы vedst, pletst, вм. вести, плести. Едва ли усомнится г. Буслаевъ, что здсь *d* и *t* явились исключительно подъ вліяніемъ настоящаго времени vedu, pletu, и соединились съ окончаніемъ *сти* точно также, какъ въ говорахъ русскихъ соединились гортанные съ *чи*, въ пекчи, жегчи. Очевидно, что и Чехи забыли о томъ, что въ звукѣ *с* (неопр. сти) уже находятся коренные согласные *д* и *т*. А между

тѣмъ, народный говоръ Чеховъ предлагаетъ и неопред. наклоненіе idst вм. ити; кажется, было бы крайне не логично отрицать и въ немъ такое же происхожденіе звука *д*, т. е. отъ настоящаго времени. Можно развѣ задать себѣ вопросъ о появленіи при *d* звуковъ *st* (idst); но едва-ли и это обстоятельство въ состояніи ослабить приговоръ. Очевидно, что звукъ *s* въ idst явился въ говорѣ чешскомъ изъ *д* въ *іди* въ то еще время, когда въ народѣ хранилось еще чутье переходности *d* въ *s* передъ *t*, и Чехъ произносилъ неопред. наклоненіе отъ ити въ формѣ isti, какъ Полякъ произноситъ доселѣ iść (вм. идти, исти, исци, исць); а потомъ уже, съ утратою сознанія о происхожденіи *c*, при стремленіи сблизить форму неопред. isti съ настоящимъ временемъ, какъ основнымъ, развилось и нынѣ употребительное idst. Какъ народъ способенъ къ новымъ образованіямъ новыхъ формъ, на основѣ старыхъ, принимая ихъ за основныя, доказываетъ рус. простонародная форма иттить вм. идти. И напрасно, заключимъ мы, г. Буслаевъ упрекаетъ грамматистовъ въ томъ, что обязано послѣдовательному развитію языка въ устахъ самого народа.

На страницѣ 103, въ примѣч. 3, по поводу образованія причастій, находимъ, что «въ древне-русскомъ языкѣ, съ самыхъ раннихъ временъ, стало употребляться дѣепричастіе (вмѣсто краткаго причастія) настоящаго времени на *а*, вм. ѧ или ъı. За этимъ приведены голые примѣры изъ Изборника 1073, изъ житія Ѳеодосія XII в. и изъ другихъ памятниковъ. Желательно было бы видѣть примѣры изъ цѣлыхъ предложеній, чтобы убѣдить читателя въ дѣйствительности дѣепричастной формы, въ реченіяхъ: дада, пека, ѣда, взятыхъ изъ упомянутыхъ памятниковъ. Само по себѣ, окончаніе это не даетъ ни малѣйшаго права на подобное заключеніе, и г. Буслаевъ увлекается, ежели основываетъ послѣднее на замѣнѣ церк. ъı посредствомъ *а*. Окончаніе *а* на столько же можетъ быть причастнымъ, на сколько и *я*, соотвѣтствующее церк. ѧ, и самое церк. ъı; и если трудно доказать, что ъı въ языкѣ самыхъ древнихъ памятниковъ ст.

слав. письменности произносилось съ носовымъ назвукомъ, то еще труднѣе отвергнуть, что окончаніе *а* въ рус. нарѣчіи образовалось посредствомъ самого естественнаго поглощенія этого назвука, — и формы дада, пека и др. явились также изъ древнѣйшихъ дадан, пекан, какъ винит. падежъ словъ женск. рода на *а*, вм. *ан* (= цсл. ѫ), въ народной рус. словесности, при неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ дѣйствительныхъ (Замѣч. объ этимол. особенностяхъ стариннаго языка польскаго, стр. 19-20. Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., кн. IV). И какъ дадъı, не смотря на болѣе правдоподобную утрату носоваго окончанія, все таки осталось причастіемъ, съ отличіемъ родовъ и падежей, такъ нѣтъ основанія отрицать причастность и въ древне-русскомъ дада, какъ едва-ли справедливо и въ окончаніи я (вм. ѧ), для того же древняго времени, видѣть непремѣнно дѣепричастіе. Не даромъ древ. рус. языкъ и отличалъ окончаніемъ *а* только тѣ глаголы, которые въ ст. слав. имѣли ы, т. е. глаголы съ согласною темою, и не замедлилъ перевести его въ *я*, на ряду со всѣми остальными глаголами, какъ скоро упрочилась въ употребленіи неизмѣнная форма дѣепричастія. Способъ употребленія формы причастія на *а*, въ древ. рус. языкѣ, съ своей стороны, не даетъ повода принимать ее за дѣепричастіе, какъ по правильному ея согласованію съ родомъ и числомъ существительнаго или глагола, такъ и по замѣнѣ, не рѣдко на той же страницѣ, церк. сл. ы; напр., въ житіи Ѳеодосія читаемъ: «блаженыи же не доида ѩко и зьрѣимо ихъ, тоу же опочиваѧше» (чт. Общ. Ист. и Древ. Рос., 1858, кн. 3, стр. 5, а); тамъ же читаемъ не дадоуще, разумѣется отъ именит. един. не дадъı, по весьма частому употребленію этой формы (стр. 25, б); находимъ и дадъıи (24, б). Причастная форма на *а* подтверждается и чешскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ она и до сихъ поръ употребительна, съ отличіемъ родовъ и чиселъ: dada, dadouce, dadouc.

По родству приставки въ причастіи настоящаго времени съ суффиксомъ ент, участвующимъ при образованіи существи-

тельныхъ названій для молодыхъ животныхъ, пояснимъ заключеніе г. Буслаева, что этотъ «суффиксъ уже въ цсл. языкѣ для именит. и винит. падежей сократился въ ѧ, т. е. въ *ен*, напр. жрѣбѧ» (стр. 129) такимъ замѣчаніемъ: суффиксъ ент, равносильный санскритскому ант, греч. οντ, εντ, лат. ant, ent, сократился, при образованіи именит. падежа, еще въ то время, когда слав. языкъ и не думалъ еще выдѣляться изъ общаго языка Арійцевъ, въ которомъ существовало уже господствующее правило не оканчивать словъ на *nt*. Отсюда, и причастіе настоящаго времени дѣйств. залога въ скр. bharan, греч. ἐρων, лат. ferens, слав. беры, отъ темы bharant. Не забудемъ, что суффиксъ ент, разсматриваемый на указанной страницѣ г. Буслаевымъ, есть тотъ-же самый, который служитъ и для образованія причастій настоящаго времени. Теперь, надѣемся, авторъ историч. грамматики согласится съ нами и въ томъ, что сопоставленіе имъ съ именительнымъ падежемъ винительнаго неумѣстно; въ приведенныхъ имъ примѣрахъ, изъ названій молодыхъ животныхъ, винительный не потому сходенъ съ именительнымъ, что и въ немъ сокращается суффиксъ, а потому, что подобныя названія средняго рода; что винит. падежъ вообще сохраняетъ полный суффиксъ ент, видно изъ причастій, въ которыхъ оканчивается онъ на ѫшть — ѧшть вм. ѫтjъ — ѧтjъ, равносильныхъ скр. antam, греч. οντα (ν), лат. antem, entem. Нельзя согласиться и со взглядомъ г. Буслаева на образованіе существительныхъ муж. рода на ъ и й, будто-бы, *по требованію благозвучія*, смѣнившихъ твердое окончаніе ъ. Выше мы имѣли случай сказать объ односторонности пониманія авторомъ звука ъ (послѣ гласныхъ й) въ цсл. языкѣ. Настоящее *требованіе благозвучія* служитъ новымъ подтвержденіемъ. Издѣсь ъ соотвѣтствуетъ первоначальному *ja*, а потому-то оно и склоняется подобно словамъ на ъ (=*a*), съ перемѣною только широкихъ гласныхъ послѣдняго на узкіе; въ противномъ случаѣ, если бы ъ соотвѣтствовало *и*, то склоненіе словъ, оканчивающихся на него, было бы подобно склоненію слова путь и

ему подобныхъ. Самое окончаніе тель, въ примѣрѣ житель, приведенномъ г. Буслаевымъ, должно бы быть отнесено къ суффиксу тер, о которомъ говорится на стр. 130. Дѣйствительно, слав. суффиксъ тель тѣмъ только и отличается отъ тер, скр. tar, греч. τηρ, τωρ, лат. ter, tor, что къ нему приставленъ любимый въ слав. словообразованіи мѣстоименный суффиксъ *ja*, да переведенъ *р* въ *л*; между тѣмъ значеніе не потерпѣло никакой перемѣны, указывая также, какъ скр. tar и ему соотвѣтствующіе въ родственныхъ языкахъ, на дѣйствующее лице. Отсюда слав. датель вполнѣ равнозначущь скр. dâtar, греч. δότηρ, лат. dator (срв. Шлейхера, Kirch. Slav. Spr., 174).

Въ словахъ матерь и дъштерь г. Буслаевъ, на стр. 130, видитъ суффиксъ ер, будтобы вм. тер, который только и значится у него на стр. III, въ § 55. Что побудило автора видоизмѣнить свое мнѣніе, не объяснено, а между тѣмъ видоизмѣненіе это не можетъ быть оправдано. Въ обоихъ поименованныхъ словахъ приставка таже самая, какая служитъ для образованія именъ дѣйствующихъ лицъ и какая принадлежитъ всѣмъ родственнымъ языкамъ, особенно въ названіяхъ родства, не исключая существительныхъ матерь (= мати) и дъштерь. Мнѣніе г. Буслаева какъ будто предполагаетъ звукъ *т* принадлежащимъ корню, но это было бы ошибкой. Корень перваго есть *mâ*, втораго *duh*, обратившагося въ слав. въ дък, при чемъ *к* съ звукомъ *т* приставки (тер = тар) перешло, согласно славянскому звукосочетанію, въ *шт* (дъштер изъ дъктѣр).

Не легко признать съ г. Буслаевымъ, на почвѣ сравнительнаго языкознанія, и самостоятельность суффикса *в*, въ словахъ женск. рода на ы, въ нарѣчіи ст. славянскомъ, о чемъ говоритъ онъ въ § 62, на той-же страницѣ 130. Окончаніе ы, въ словахъ свекры, любы, црькы и под., есть лишь слав. замѣна основнаго гласнаго *û* въ санскритѣ, *υ* въ греч., *и* 4-го склоненія въ латинскомъ (бровь, цсл. бры, скр. bhrû, греч. ὀφρυς; свекры, скр. svaçrû, лат. socrus). И какъ *û* санскрита передъ

гласнымъ звукомъ во флексіи превращается въ *uv*, такъ ы славян., въ тѣхъ же случаяхъ, обращается въ *ъв*, что утверждаетъ и самъ г. Буслаевъ въ § 24, на который и ссылается въ данномъ случаѣ. Отсюда, скр. bhruvas, род. пад., вполнѣ соотвѣтствуетъ слав. бръве. Такимъ образомъ, звукъ *в* не есть самостоятельный, образующій суффиксъ, а только видоизмѣненіе суффикса *û* или ы. Для бо̀льшей правильности слѣдовало-бы и на стр. 129, вм. суффикса *ен*, въ словахъ пламы, камы, имѧ и т. д., поставить мен (= ман).

Въ образованіи сравнительной степени мы также позволимъ себѣ предложить нѣкоторое объясненіе. Вполнѣ соглашаемся съ авторомъ истор. грамматики, касательно двухъ періодовъ образованія сравнительной степени, древнѣйшаго на *ии* (жен. ьши) и позднѣйшаго на *ѣи* (жен. ѣиши); но думаемъ, что форма льжѣи, отъ прилагательнаго льгъкъ, помѣщенная въ древнемъ періодѣ (стр. 144), во первыхъ неумѣстна, во вторыхъ едва-ли согласна со свойствами чистаго ст. слав. нарѣчія. Неумѣстна она потому, что по своему образованію относится къ суффиксу *ѣи* въ сравнительной степени, слѣдовательно, къ позднѣйшей формаціи; замѣтка, что льжѣи вм. льжии, ни мало не оправдываетъ отчисленія перваго вида къ древнѣйшему періоду: вѣдь и относительно добрѣи можно сказать, что оно употреблено вм. добрии, и, однакоже, форму добрѣи г. Буслаевъ помѣстилъ въ отдѣлѣ позднѣйшаго образованія сравнительной степени. Далѣе, форма льжѣи относится къ письменности довольно поздней; памятники древнѣйшіе не допустили-бы ея, и по очень простой причинѣ, что звукъ *ѣ* сохраняетъ еще въ нихъ свое двоегласное значеніе, равносильное сочетанію *ai* или *ia*; а при такомъ свойствѣ, гортанные передъ *u* (= *i*) или, правильнѣе, передъ *j* (такъ какъ *i* передъ гласнымъ ослабляется въ *j*: изъ *ia* является *ja*) смягчаются, поглощая въ себя *j*, и тогда *a* въ *ѣ* становится свободнымъ. На этомъ только основаніи, прилагательныя на *ък* — *ьк*, при суффиксѣ сравнительной степени *ѣи*, оканчиваются на чаи вм. кѣи, что́ указано

и г. Буслаевымъ, на стр. 145, въ объясненіи сравнительной степени позднѣйшаго періода. Потому же только и прилагательныя благъ, мъногъ даютъ отъ себя сравнительныя: блажаи, мъножаи. Г. Буслаева, какъ видно, смутили примѣры льжѣи, попадающіеся въ письменности; но нельзя оставлять безъ вниманія времени этой письменности и еще болѣе основныхъ свойствъ чистаго языка ст. славянскаго.

Обратимся къ послѣднему отдѣлу первой части исторической грамматики, къ словоизмѣненію.

Отдѣлъ этотъ по преимуществу готовъ былъ явиться блистательнымъ, подъ рукою трудолюбивѣйшаго нашего филолога, если-бы только остался онъ твердъ на почвѣ избраннаго имъ сравнительнаго метода. Почва же эта, по отношенію именно къ словоизмѣненію, представляетъ самую незыблемую опору, благодаря филологамъ, обратившимъ на нее прежде всего вниманіе свое и доведшимъ многолѣтними трудами и наблюденіями изслѣдованія о словоизмѣненіи почти до математической точности. Сомнѣнію не можетъ быть мѣста, что достоуважаемому г. Буслаеву труды эти и наблюденія извѣстны: его грамматика служитъ убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ. Но, видно, не легко пробивать цѣлину во всѣхъ частяхъ разомъ,— и не выбить однимъ ударомъ затвердѣвшіе бугры и кочки, окрѣпшіе на ней цѣлыми вѣками. И авторъ исторической грамматики, на ряду съ научными объясненіями и съ добытыми филологіей принципами, такъ добросовѣтно вообще примѣняемыми имъ къ языку славяно-русскому, подъчасъ все еще держится неудовлетворительныхъ и далеко не научныхъ понятій старины; отсюда, двойственность даетъ себя чуствовать весьма нерѣдко. Тѣмъ не менѣе, статья о словоизмѣненіи еще съ бо́льшимъ правомъ, нежели двѣ предшествующія, должна считаться образцевѣйшимъ пособіемъ при изученіи языка отечественнаго, какъ по отношенію къ историческому развитію формъ въ склоненіи и въ спряженіи, такъ и по отношенію къ областнымъ въ нихъ особенностямъ. Нельзя, конечно, не же-

лать, чтобы будущія изданія освободились отъ недостатковъ, какія находятся и въ послѣднемъ отдѣлѣ; съ этою цѣлью предлагаемъ мы и тутъ свои замѣчанія, въ надеждѣ, что они не совсѣмъ останутся безполезными.

Г. Буслаевъ начинаетъ статью о словоизмѣненіи съ глаголовъ; хотя мы и не видимъ особенно побудительной причины къ устраненію изстари утвердившагося порядка, но авторъ справедливо можетъ возразить намъ, что онъ, съ своей стороны, не больше видитъ основанія и держаться его: давность въ наукѣ, одна, сама по себѣ, имѣть силы не можетъ. Вмѣстѣ съ авторомъ обратимся и мы къ глаголамъ.

Параграфъ 84 посвященъ обзору временъ. Здѣсь, между прочимъ, на стр. 179, говорится о формѣ прошедшаго времени, въ нарѣчіи цслав., такъ, что она является въ трехъ видахъ: а) форма со вставнымъ *о:* рекохъ, пекохъ, могохъ, и древнѣйшая, для глагола рекѫ, рѣхъ безъ вставнаго *о;* б) форма на *сѣ* вм. *хѣ*, напр. приѣсъ, и, наконецъ, в) форма, которою пользовались темы глаголовъ, оканчивающіяся на согласный звукъ, вовсе отбрасывавшая признакъ прошедшаго времени (*х* или *с*): могъ, текъ, могомъ, текомъ, могѫ, текѫ. Авторъ, очевидно, съ одной стороны, смѣшалъ разнородные предметы, съ другой — раздѣлилъ однородные. Чтобы сохранить болѣе правильную терминологію, мы будемъ называть это время аористомъ, какъ назвалъ его и самъ г. Буслаевъ, въ примѣч. 4.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что въ историч. грамматикѣ различены двѣ формы на *хѣ* и *сѣ*, тогда какъ, по происхожденію своему, это — одна и таже форма, съ позднѣйшею перемѣною *с* на *х* (а не наоборотъ, какъ утверждаетъ г. Буслаевъ). Не даромъ же и сравнено окончаніе *сѣ*, въ приложеніи къ грамматикѣ, съ окончаніемъ σα, въ 1-мъ аористѣ греческаго языка. Если же *сѣ* и *хѣ* равносильны, то несправедливо авторъ ставитъ только при рекѫ двоякую форму аориста: рѣхъ и рекохъ; такая двойственность принадлежитъ очень многимъ глаголамъ на согласную тему, — и памятники

древне-славянскіе предлагаютъ несомнѣнныя тому доказательства: въ соотвѣтствіе чьтохъ находимъ чисъ, блюдохъ— блюсъ, ведохъ — вѣсъ, несохъ — нѣсъ и др. Образованіе послѣдней формы чрезвычайно важно и знаменательно въ сравнительномъ языкознаніи, такъ явственно сближая и славянскій языкъ, по кореннымъ звуковымъ законамъ, съ родственными языками. Различіе этого образованія, по отношенію къ первой формѣ (ведохъ, рекохъ), заключается единственно въ томъ, что здѣсь участвуетъ соединительный гласный между конечною тематическою согласною и характеромъ аориста (*сѣ* или *хѣ*): отсюда рек-о-хъ, вед-о-хъ и т. д., тогда какъ въ образованіи краткой формы соединительнаго звука нѣтъ. Съ отсутствіемъ же его, и гласный звукъ въ темѣ долженъ усилиться, по требованію звуковыхъ законовъ. Именно, тематическій согласный, сталкиваясь съ согласнымъ характера аориста, съ *х* или *с*, ассимилируется съ нимъ и образуетъ двойное *х* или *с;* но какъ славян. языкъ не терпитъ вообще удвоенія согласнаго, то одинъ изъ нихъ выбрасывается, и, въ слѣдствіе этого, короткій гласный, долгій прежде по положенію передъ двумя согласными, усиливается, т. е. превращается въ болѣе тяжелый гласный. Усиленіе это выражается, въ дошедшихъ до насъ примѣрахъ, въ превращеніи *ъ* въ *и*, *е* въ *ѣ*, о въ *а* (срв. пробасѧ = прободошѧ); гласные же *ю*, ѩ, ѧ, остаются въ своемъ видѣ. Отсюда, послѣдовательность краткой формы аориста такова: ведсъ, вессъ, вѣсъ; рекхъ = реххъ = рѣхъ; чьтсъ = чьссъ = чисъ. Тоже самое явленіе, въ томъ же времени, встрѣчаемъ, между прочимъ, и въ греч. языкѣ, хотя и для однихъ, такъ называемыхъ, плавныхъ глаголовъ на λ, μ, ν, ρ: ἀγγέλω, аористъ долженъ бы быть ἤγγελσα, но въ силу ассимиляціи σ съ λ, опущенія одного λ и усиленія тематическаго гласнаго ε въ ει, утвердилась форма ἤγγειλα.

Теперь мы сознательно можемъ подтвердить мнѣніе г. Буслаева о бо́льшей древности краткой формы аориста, такъ какъ образованіе его съ соединительнымъ гласнымъ (рек-о-хъ)

явилось уже на почвѣ славянскаго языка, будучи чуждо аористамъ санскрита и греческаго; въ свою очередь, не будемъ, подобно г. Буслаеву, смотрѣть и на звукъ *о* (напр. въ рекоохъ), какъ на ничего не объясняющій *вставной звукъ*.

Что касается до формы: текъ, могъ и под., то авторъ историч. грамматики несправедливо смотритъ на нее, какъ только на другой видъ той же формы аориста или прошедшаго, образованный лишь посредствомъ выброски признака прошедшаго времени *х* или *с* (стр. 179, прим. 4). Формы: текъ, могъ, ведъ, несъ и др. столь же самостоятельны, какъ и текохъ, могохъ и т. д., и не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ звукамъ *х* или *с*. По своему образованію, они всецѣло соотвѣтствуютъ аористу 2-му, въ греческомъ языкѣ; какъ формы аориста 2-го и разсматриваются въ ученыхъ изслѣдованіяхъ филологовъ. Они драгоцѣнные остатки слав. языка, потому что вмѣстѣ съ аористомъ первымъ: вѣсъ, нѣсъ и т. п., равно и съ другими, лишь въ отрывкахъ уцѣлѣвшими, особенностями, даютъ намъ возможность подняться высоко за историческую грань языка обще-славянскаго и доводятъ послѣдній до неразрывной связи съ древнѣйшими родственными языками. И какъ въ греч. языкѣ сохранился аористъ 2-й единственно въ глаголахъ, въ которыхъ настоящее время имѣетъ новообразованную тему, потому что только въ такомъ случаѣ аористъ 2-й можетъ удержать отличіе отъ преходящаго, образуемаго подобнымъ же образомъ (ἔτυπτον — ἔτυπον), такъ, наоборотъ, въ слав. языкѣ уцѣлѣлъ аористъ 2-й лишь при глаголахъ съ первообразною темою въ настоящемъ времени, такъ какъ при этомъ только условіи можетъ отдѣляться онъ, по формѣ, отъ другихъ временъ и отъ самого настоящаго. Отсюда, въ греч. τέμνω имѣетъ аористъ 2-й ἔταμον, образовавшійся изъ темы первообразной; преходящее, образующееся изъ темы настоящаго времени, будетъ ἔτεμνον; наоборотъ въ глаголѣ γράφω мы уже не видимъ различія въ формѣ аориста 2-го и преходящаго, потому что въ немъ первообразная тема есть и тема настоящаго времени

(γραφ). Въ аористѣ 2-мъ славян. языка, при второобразной (производной) темѣ настоящаго времени (дѣла, носи, хвали), соединительный гласный между темою и второстепенными окончаніями лицъ, по господствующему закону слав. звукосочетанія, долженъ слиться съ конечною гласною темы, — и всякая особенность формы аориста 2-го, по числамъ и лицамъ, исчезнетъ. На этомъ то основаніи и уцѣлѣлъ онъ исключительно въ глаголахъ, гдѣ тема оканчивается на согласный звукъ, т. е. въ двухъ классахъ: безъ усиленія слогомъ нѫ и съ нимъ: вести (= вед-ти), аор. 2-й вед-ъ, оуглѫбиѫти оуглѫб-ъ. — Здѣсь же умѣстно обратить вниманіе и на неправильность г. Буслаева въ объясненіи окончанія третьяго лица множественнаго числа, въ прошедшихъ временахъ славянскихъ глаголовъ, т. е. въ преходящемъ и въ аористахъ. Окончанія эти суть ѧ и ѫ, которыя, по мнѣнію г. Буслаева, стоятъ вмѣсто ѧть и ѫтъ, стѣдовательно, съ уничтоженіемъ признака третьяго лица *т* (стр. 182).

Напрасно достоуважаемый авторъ, въ этомъ случаѣ, не примѣнилъ къ своей грамматикѣ, конечно, знакомаго ему различенія въ греч. грамматикахъ временъ главныхъ отъ второстепенныхъ (imperf., plusquam., aor. 1 и 2), а нераздѣльно съ этимъ, и личныхъ окончаній полныхъ отъ сокращенныхъ, изъ которыхъ послѣднія неразлучны съ временами второстепенными и состоятъ въ единств. числѣ и въ 3-мъ лицѣ множественнаго изъ однихъ согласныхъ личныхъ окончаній (*т*, *s*, *t*, *n*). Это *n* (= *и*) третьяго лица, вмѣстѣ съ соединительною гласною, образуетъ въ санскритѣ окончаніе *an*, въ греч. αν — ον, въ славянскомъ же неизбѣжныя носовыя ѫ и ѧ (скр. abharan imperf., adikšan aor. 1., греч. ἔτυπτον, ἔτυπσαν, ἔλαβον, слав. хвалѧахѫ, несоша, могѫ. Въ заключеніе разбора мнѣнія объ аористахъ, считаемъ въ правѣ отмѣтить и видный пропускъ формы аориста 2-го въ приведенныхъ г. Буслаевымъ примѣрахъ спряженія на стр. 195 — 196

Въ дѣленіи цслав. и русскихъ глаголовъ на неправильные, т. е. древнѣйшаго образованія и позднѣйшаго, основанномъ на непосредственномъ и посредственномъ присоединеніи личныхъ окончаній къ темѣ (что, по нашему мнѣнію, было-бы справедливѣе выразить такъ: глаголы съ соединительною гласною и безъ нея), г. Буслаевъ отчисляетъ въ разрядъ первыхъ и глаголъ имамь (стр. 184). Это даетъ поводъ предполагать, что авторъ не вполнѣ уяснилъ какъ вообще образованіе безъ соединительной гласной, или такъ называемыхъ неправильныхъ, такъ и образованіе глагола имамь. Самъ же онъ утверждаетъ, что глаголы древнѣйшаго образованія, какъ вѣмь, дамь, ѣмь, ѣсмь, основаны на непосредственной приставкѣ *личныхъ окончаній* къ темѣ глагола, между тѣмъ, въ примѣрѣ имамь руководится кажущеюся непосредственностью лишь въ первомъ лицѣ, потому что второе лице въ глаголахъ безъ соединительной гласной, каковы только что исчисленные, непремѣнно должно оканчиваться на *си* (вѣси, ѣси), между тѣмъ какъ отъ имамь — имаши. Правда, на слѣд. страницѣ, г. Буслаевъ говоритъ, что «кромѣ *е* могъ соединить личное окончаніе съ темою настоящаго времени звукъ *а*, какъ это видно изъ глагола *древнѣйшаго* или *неправильнаго:* имаамь — имааши — имааше и т. д. Эти формы сохранились въ позднѣйшихъ, употребляемыхъ въ церковныхъ книгахъ: имамъ, имаши». Но тутъ уже прямое противорѣчіе общему опредѣленію глаголовъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ: ежели первые соединяютъ личныя окончанія непосредственно, то имаамь, какъ присоединяющее ихъ при посредствѣ звука *а*, равносильнаго, по мнѣнію г. Буслаева, обычному *е*, уже ни въ какомъ случаѣ не долженъ называться древнѣйшимъ, слѣдовательно соединяющимъ личныя окончанія съ темою.

Глаголъ имамь очень важенъ по своему образованію, и если-бы авторъ остановилъ на немъ свое вниманіе, то легко уяснилъ-бы какъ развившіяся формы въ новѣйшихъ слав. нарѣчіяхъ, такъ и нѣкоторыя особенности, на которыя указы-

ваетъ, которыя отмѣтимъ и мы, и въ самомъ ст. славянскомъ нарѣчіи. Начнемъ съ новославянскихъ формъ.

Чешское dělám, děláš, польское czytam, czytasz, сербское чувам, чуваш, не смотря на сохраненіе звука *м* въ первомъ лицѣ, принадлежатъ, во первыхъ, къ глаголамъ съ соединительною гласною, что̀ признаетъ и г. Буслаевъ (стр. 185 — 186, прим. 3), во вторыхъ — позднѣйшаго образованія. Существенная сторона этого образованія заключается въ особомъ поглощеніи соединительнаго гласнаго *е*. Г. Буслаевъ объясняетъ это поглощеніе категорически тѣмъ, что соединительный звукъ *е* отметается; но въ такомъ опредѣленіи не видно причины, основаній, которыя необходимо должны быть, и они очень явственны: формы дѣлаш, читаш образовались изъ дѣлаѥш, читаѥш точно такимъ же образомъ, какъ изъ ст. слав. формъ добраѥго произошла форма добраго, при посредствѣ добрааго, т. е. черезъ ассимиляцію ѥ въ ꙗ черезъ поглощеніе *j* и уничтоженіе гіатуса слитіемъ двойнаго *а* въ одно (добраѥго = добраꙗго = добраго): дѣлаѥш = дѣлаꙗш = дѣлааш = дѣлаш. Подобное же явленіе произошло и въ первомъ лицѣ глаголовъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ, съ разложеніемъ носоваго ѫ въ соотвѣтствующее ему *ам*, изъ котораго, въ глаголахъ съ соединительною гласною (первоначальнымъ *а*), и образовалось въ ст. слав. языкѣ окончаніе на *юсъ* (ѫ): дѣлаѫ, въ такомъ случаѣ, должно образовать дѣлаꙗм, а отсюда, по тому же закону, дѣлаам и дѣлам. Вотъ какимъ путемъ составилась и форма ст. слав. нарѣчія въ имаамь, имааши (изъ имаѥши) и т. д. На томъ же началѣ встрѣчаемъ мы въ ст. слав. нарѣчіи и формы бываать, повелѣваать, вм. бываѥть, повелѣваѥть, что̀ отмѣтилъ и г. Буслаевъ (стр. 185, прим. 2). И какъ изъ добраго въ памятникахъ болѣе позднихъ явилось добраго, такъ и изъ имаамь произошло имамь, — и въ формѣ этой не только не видно древнѣйшаго образованія глаголовъ съ безсоединительной гласной, напротивъ, она представляетъ намъ типъ обильнаго развитія сокращенныхъ формъ въ ново-

славянскихъ нарѣчіяхъ, именно при глаголахъ съ соединительною гласною. Простонародный говоръ русскій видимо идетъ по тому же пути сокращенія, употребляя знаш, знатъ, гулямъ (= гуляемъ) и т. п., и тѣмъ сближаясь съ иными нарѣчіями славянскими. Мы не думаемъ, чтобы авторъ исторической грамматики смутился третьимъ лицемъ множ. числа, помѣщеннымъ имъ при спряженіи имамь (стр. 194) въ формѣ имѫть: послѣдняя очевидно принадлежитъ глаголу ѩти, въ наст-времени имѫ.

Было-бы весьма полезно, если-бы г. Буслаевъ въ будущихъ изданіяхъ своей грамматики опредѣлилъ точнѣе свойство и значеніе соединительной гласной въ спряженіяхъ; тогда, увѣрены, онъ не отнесетъ и глагола имамь къ древнѣйшимъ, какъ не отдѣлитъ его и въ спряженіи отъ глаголовъ правильныхъ. При бо̀льшемъ вниманіи къ соединительной гласной, едва-ли бы не уяснилъ онъ и того обстоятельства, что во второмъ спряженіи правильныхъ глаголовъ непосредственное соединеніе личныхъ окончаній съ темою *и* есть только кажущееся, что и здѣсь соединительный гласный, первоначально *а*, перегласованный въ славянскомъ языкѣ въ *е* (bhar*â*-mi, bhar*a*si, bhar*a*ti = берѫ, бер*е*ши, бер*е*ть), только ассимилируется съ темою *и:* гориши, всего вѣроятнѣе, также вм. гориѧши, гориши, какъ имаши вм. имааши, имаѧши. Этимъ уяснилъ-бы онъ и происхожденіе, въ нынѣшнихъ слав. нарѣчіяхъ, формы на *им* въ настоящемъ времени, на ряду съ окончаніемъ *ам*.

Въ видѣ примѣчанія прибавимъ, что вниманіе къ исторіи нарѣчія необходимо для правильнаго пониманія и объясненія современнаго его состоянія. Въ примѣчаніи 1, на стр. 185, г. Буслаевъ думаетъ видѣть указателя темы *и*, по чешскому нарѣчію, не только во всѣхъ лицахъ единст. числа и въ двухъ первыхъ множеств., но и въ 3-мъ послѣдняго, и предлагаетъ въ примѣръ chvalí. Это невѣрно; эвукъ ст. слав. нарѣчія ѧ, оканчивающій съ *ть* третье лице глаголовъ 2-го спряженія, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ большей части остальныхъ, обык-

новеннѣе превращается въ родственныхъ нарѣчіяхъ въ *е*. Тоже и въ чешскомъ, допускающемъ, подобно рус. языку, переходъ а-са и въ я; звукъ же *í* (= *и*) въ chvalí, hoří и т. п. обязанъ совершенно иной причинѣ, той же самой, въ силу которой *а* послѣ смягченныхъ согласныхъ и послѣ *j* превращается въ *е* (duše), именно съ особою силою развитому въ позднѣйшемъ чешскомъ нарѣчіи перегласованію гласныхъ. Поэтому, не только въ Судѣ Любуши, но и въ краледворской рукописи находимъ еще окончаніе 3-го лица 2-го спряженія на *ja* и *je:* sovyne boje se, otvorie se vrata, и лишь въ позднѣйшее время, когда указанное перегласованіе сдѣлалось господствующимъ началомъ чешскаго нарѣчія, явились формы: strojí, stojí, vrazí, bojí, otvoří. А какъ перегласованіе въ *і* захватило въ новѣйшее время и звукъ *и* (= *y*), то третье лице множ. числа стало оканчиваться на *і* и въ первомъ спряженіи: dělají, píší и т. п , гдѣ ужъ вовсе нельзя видѣть сохраненія тематической гласной.

Объясненіе г. Буслаевымъ образованія причастія прошедшаго времени страдательнаго залога на *нъ* (стр. 189) служитъ наглядымъ доказательствомъ того, какъ важно и необходимо полное и отчетливое уясненіе фонетическихъ законовъ и къ какимъ замѣчательнымъ ошибкамъ, къ какой шаткости въ основныхъ положеніяхъ можетъ вести невниманіе къ нимъ или поверхностное обслѣдованіе. Приведемъ слова г. Буслаева: «если прошедшее причастіе на *нъ* производится не отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, а прямо отъ корня глагола, то передъ *н* оказывается вставное *е;* напр. плѣн-ить плен-енъ, оцѣн-ить оцѣн-е-нъ, род-ить рожд-е-нъ, смѣс-ить смѣш-е-нъ; въ отличіе отъ формъ, произведенныхъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія: зв-а-ть зв-а-нъ, (за) мѣш-а-ть (за) мѣш-а-нъ». Здѣсь прежде всего бросается въ глаза странная двойственность въ образованіи одной и тойже формы прошедшаго причастія отъ глагольной темы неопредѣленнаго наклоненія и отъ корня глагола. Смѣемъ думать, что ежелибы авторъ строго различилъ въ самомъ началѣ статьи о глаголахъ

темы настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія и точно выдѣлилъ формы глагольныя, происходящія отъ первой и послѣдней, то никогда бы не впалъ въ такой промахъ и не включилъ-бы еще третьяго источника, именно корня, изъ котораго будто-бы также образуются нѣкоторыя формы, какъ причастіе прошедшаго страдат. залога. Но такого разграниченія темъ нѣтъ въ исторической грамматикѣ; а неуясненность звуковыхъ законовъ, при *кажущейся* непонятности формы происхожденія ея отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, единственнаго источника причастія прошедш. страдательнаго, заставила автора обратиться къ корню. Дѣйствительно какъ объяснить формы рожденъ (рус. роженъ) при темѣ роди, или съмѣшенъ при съмѣси? Самое легкое средство заставить причастіе происходить не отъ темы неопред. наклоненія, а отъ корня съ соединительнымъ гласнымъ *е;* отсюда: зва-ти званъ, роди-ти рожденъ. Но объяснилъ-ли и этимъ г. Буслаевъ причину переходной смягчаемости звуковъ *д* и *с* въ *жд* и *ш?* Ничуть не бывало; мы уже сказали выше, да знаетъ это и г. Буслаевъ, что зубные и свистящіе не смягчаются передъ *е*, — и какъ ни приставляйте къ корню *род* звукъ *е* съ *нъ*, все форма должна быть роденъ, а не рожденъ, какъ отъ глагола вести, хотя корень его и есть *вед*, причастіе все-таки остается вед-е-нъ и никогда вежденъ. Только гортанные звуки, пріобрѣтшіе искони способность въ слав. языкѣ смягчаться передъ всѣми узкими гласными, а слѣдовательно и передъ *е*, смягчаютъ и въ причастіи страд.: пек — печенъ, двиг — движенъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ выраженіяхъ, подобныхъ приведеннымъ рожденъ, съмѣшенъ, должна быть иная причина смягченія, а не *е;* а какъ намъ извѣстно, что смягченіе зубныхъ зависитъ единственно отъ *j*, то и не трудно придти къ надлежащему объясненію, не выходя вовсе изъ предѣловъ общаго правила для образованія причастной формы прошед. времени страдательнаго залога. Общее же правило то, что упомянутая форма причастія образуется исключительно отъ темы неопред. наклоненія и не-

премѣнно при помощи соединительной гласной, т. е. *е*. Все различіе, впрочемъ кажущееся, заключается лишь въ томъ, что при темахъ на согласный звукъ *е* остается чистымъ, какъ нес-е-нъ, вед-е-нъ и т. д.; при темахъ на гласные звуки, кромѣ *и*, совершается обычная ассимиляція и поглощеніе одного изъ одинаковыхъ звуковъ: чита-ти, читаѥнъ = читаанъ = читанъ, оумѣ-ти, оумѣ-ѥнъ = оумѣ-ѣнъ = оумѣнъ (не доумѣніе); что же касается до тематическаго звука *и*, то извѣстно свойство его преваща́ться передъ гласнымъ въ *j*; отсюда: роди-ти, съ соединительнымъ *е*, должно образовать форму родиенъ, родјенъ = рожденъ. Вотъ почему и всѣ глаголы съ темою на *и*, въ причастіи на *нъ*, неизбѣжно требуютъ смягченія всѣхъ смягчаемыхъ согласныхъ; прибѣгать же къ корню, какъ къ источнику, изъ котораго образуется разсматриваемая форма, не только не справедливо, но и безполезно, потому что при немъ-то именно и нельзя объяснить того, что желалъ объяснить г. Буслаевъ.

Наконецъ, было-бы очень желательно, если-бы г. Буслаевъ опредѣлилъ точнѣе, въ какихъ случаяхъ требуется причастіе на *тъ*, въ какихъ на *нъ*, а въ какихъ глаголахъ допускается и то и другое́ образованіе. Такая точность въ данномъ случаѣ возможна, и автору исторической грамматики полезно было бы обратиться къ трудамъ Миклошича и Шлейхера. Замѣтимъ также, что едва-ли справедливо утверждать, будто въ малорусскомъ нарѣчій сохранилось прошедшее время бымъ—бысь (стр. 192, прим. 8). По нашему убѣжденію, нельзя, сомнѣваться, что эта форма, въ нѣкоторыхъ при томъ говорахъ малорусскихъ, занесена изъ польскаго нарѣчія. Соглашаюсь, что форма бымъ встрѣчается и въ ст. слав. письменности, даже XI вѣка, какъ въ словахъ Григорія Назіянзена, но распространенность ея въ той территоріи малорусс. нарѣчія, которая не только сосѣдитъ съ польскимъ населеніемъ, а и сама пропитана польскими элементами, заставляетъ насъ скорѣе отчислить ее въ разрядъ полонизмовъ.

Въ отдѣлѣ склоненій, говоря вообще, мы вполнѣ признаемъ высокое значеніе какъ историческаго обзора формъ, такъ еще болѣе богатства и разнообразія примѣровъ изъ русскаго языка письменнаго и изъ областныхъ его говоровъ. Къ сожалѣнію только, читателю не спеціалисту очень трудно, да едва-ли въ надлежащей точности и возможно уяснить путь послѣдовательнаго развитія не только простонародныхъ формъ въ склоненіи, а и въ самомъ книжномъ языкѣ отъ тѣхъ образцевъ ст. слав. нарѣчія, которые справедливо могутъ считаться типическими формами древняго языка обще-славянскаго. Этотъ недостатокъ, по нашему мнѣнію, объясняется преимущественно неполнотою и неуясненностью въ изложеніо основнаго принципа дѣленія склоненій.

Въ § 95, на стр. 214, авторъ выражаетъ этотъ принципъ такъ: «въ историческомъ развитіи, склоненія ц. слав. и русскихъ существительныхъ дѣлятся на два отдѣла: 1) одни имена пользуются темою слова, оканчивающеюся на согласный звукъ; напр. мать матер, знамя знамен и пр. 2) Другія пользуются темою, оканчивающеюся на гласный звукъ, напр. сынъ, покой, книга, золото, кость, день, путь и пр. Между послѣдними надобно отличать отъ прочихъ имена жен. рода на ѣ, напр. пѣснь, кость, дверь и пр., и нѣкоторыя другія, какъ въ древне-русскомъ и областномъ такъ и въ цсл. языкѣ, *сблизившія* свое склоненіе, частію съ склоненіемъ именъ жен. рода, на ѣ, путь, пути, частію съ склоненіемъ существительныхъ, имѣющихъ тему съ окончаніемъ на согласный звукъ, напр. въ цсл. дьнь, род. дьне, какъ слова сѣмя, мать (въ цсл. сѣмене, матере)». Изъ этихъ положеній невольно рождается множество вопросовъ, рѣшенія которыхъ напрасно станетъ искать читатель въ грамматикѣ г. Буслаева. Недоумѣніе только увеличится при вниманіи къ дальнѣйшимъ примѣчаніямъ и правиламъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе же это гласные звуки, которые служатъ темою въ склоненіи существительныхъ; ежели тѣ, которые значатся въ окончаніяхъ приведенныхъ примѣровъ, то почему

же опущены мужь (мѫжь), князь (кънѧзь) и под., отличавшіяся въ склоненіи рѣзко отъ существительныхъ: дьнь, пѫть, кость; за чѣмъ, далѣе, отдѣлять темы въ словахъ покой, золото отъ сынъ, богъ и др., когда склоненіе ихъ совершенно тожественно; почему должно отличать окончаніе ъ жен. рода, въ кость, отъ ъ муж. рода въ пѫть, дьнь; по какому поводу послѣдніе примѣры сблизили свое склоненіе въ русскомъ съ женскимъ родомъ на ъ, а частію и съ склоненіемъ словъ, имѣющихъ тему согласную? Здѣсь невольно остановишся и на несовмѣстности сопоставленія: сближеніе темы на ъ муж. рода съ согласною темою оправдано единственно для цслав. нарѣчія, въ которомъ дьнь употребляется въ родит. въ формѣ дьне, тогда какъ въ первомъ случаѣ, при сближеніи ъ муж. съ ъ жен., говорится лишь о древнерусскомъ и областномъ,—между тѣмъ положеніе общее. Возникнетъ много и другихъ сомнѣній, которыя, однакоже, весьма нетрудно было-бы устранить, если-бы главный принципъ не былъ такъ сбивчивъ. Намъ кажется, что слѣдующія общія положенія въ состояніи были бы значительно уяснить систему склоненій и историческое ихъ развитіе.

Два отдѣла склоненія существительныхъ основаны на различіи темъ — гласной или согласной. Темы гласныя суть *а* и *ја* для всѣхъ родовъ, замѣняющіяся въ слав. правописаніи черезъ ъ — *а* — о, ъ (= *јъ*) — ѧ — ѥ, и *и* (= *і*), для муж. и жен. родовъ, обращающееся въ слав. правописаніи въ *ъ*; что до темъ согласныхъ, то ихъ очень немного, и у г. Буслаева, въ § 62, они вычислены всѣ. Отсюда надѣемся, будетъ понятно, почему слова жен. рода на ъ и слова муж. рода, подобныя: дьнь, пѫть, слѣдуетъ отличать отъ прочихъ гласныхъ темъ, особенно отъ ъ изъ *ја* или *јъ*, пропущеннаго г. Буслаевымъ; не усомнимся найти невѣрнымъ и замѣчаніе автора, будто слова съ темою на ъ (изъ *и* = *і*) *сблизили* свое склоненіе не только въ древне-русскомъ и областномъ, а и въ церковно-славянскомъ съ женскимъ склоненіемъ на ъ. Сближенія, въ этомъ случаѣ, никакого не было, потому что склоненіе обоихъ родовъ искони

было одно и тоже, кромѣ творит. падежа, и сходствоэто основано на единствѣ темы. Подобное сходство принадлежитъ и родственнымъ языкамъ, напр.; скр. krmi-s и avi-s, лат. hostis и avis и т. д. Въ дальнѣйшемъ развитіи языка, при замѣтномъ, и въ другихъ отношеніяхъ, стремленіи его подвести разнообразіе подъ одинъ уровень, мы находимъ, что слова муж. рода съ темою на ъ (изъ *и*), какъ: голѫбь, звѣрь, о҃гнь, тать, тьсть, указанныя г. Буслаевымъ, на стр. 218 и склонявшіяся въ ст. слав. нарѣчіи одинаково съ словами жен. рода кость, длань и др., стали мало по малу, впрочемъ уже издавна, сливаться съ склоненіемъ муж. рода на ъ (изъ *ja* = *jъ*), какъ мѫжь, кънѧзь. Тоже самое совершилось и съ словами на тему согласную, въ большинствѣ случаевъ и въ именит. даже падежѣ сблизившимися съ темами гласными, муж. рода съ муж. окончаніями, женскаго съ женскими. Такъ, камы — камень, камня; црькы церква или церковь. И такъ какъ языкъ не успѣлъ еще всецѣло сгладить разнообразіе старины, то и являются въ рус. нарѣчіи слова, подобныя существительному путь, которыя стоятъ на срединѣ, то подчиняясь общему потоку, какъ въ областныхъ говорахъ, гдѣ слышится уже склоненіе путь — путя, путю, то придерживаясь древняго свойства, какъ въ книжномъ языкѣ, вообще медленнѣе поддающемся новымъ превращеніямъ, доколѣ не охватятъ они цѣлаго народа. Заключеніе, такимъ образомъ, о сходствѣ склоненія на ъ (изъ *и*) муж. и жен. родовъ, съ исторической точки зрѣнія на развитіе формъ, должно быть выведено совершенно иное, сравнительно съ тѣмъ, какое читаемъ въ грамматикѣ г. Буслаева.

На сближеніе словъ муж. рода на ъ съ склоненіемъ на тему согласную, авторъ представилъ только одинъ примѣръ и для одного родит. падежа, именно форму дьне, хотя и говоритъ о *нѣкоторыхъ* словахъ. Постараемся дополнить.

Сколько намъ извѣстно, то въ памятникахъ церковно-славянскихъ попадаются только *три* слова муж. на ъ, оканчивающіяся въ родит. единственнаго на *е*, подобно склоненію на тему

согласную: дьне, клене, прьстене. Принимая въ соображеніе, что такое сходство ограничивается исключительно родит. падежемъ, что подобныя слова встрѣчаются въ крайне ограниченномъ числѣ и что, наконецъ, всѣ они имѣютъ окончаніе *ънъ* или *енъ*, слѣдовательно при полномъ видимомъ сходствѣ съ большинствомъ темъ согласныхъ (мен, ен: пламен, корен), мы рѣшаемся думать, что г. Буслаевъ совершенно напрасно высказалъ общее положеніе о сближеніи склоненія на *ъ* муж. рода съ согласными темами.

Изъ предложеннаго нами краткаго взгляда на темы склоненій, кажется, можно заключить и о неправильности примѣчанія автора, будто «имена съ темою на согласный звукъ и *нѣкоторыя* имена муж. рода на *ъ* относятся къ древнѣйшимъ склоненіямъ». Нѣтъ, склоненія и на остальныя темы гласныя, не исключая и темы жен. *ъ*, столь же древни и, съ точки зрѣнія сравнительно историческаго языкознанія, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права или повода въ склоненіи, напр., богъ или витязь видѣть нѣчто позднѣйшее, тѣмъ менѣе какое-либо видоизмѣненіе склоненій на тему согласную или на *ъ* муж. рода, пріуроченныхъ г. Буслаевымъ къ древнѣйшимъ.

На этомъ я останавливаюсь съ глубокою благодарностью автору за то, что своею историческою грамматикою онъ далъ и мнѣ случай сознательнѣе оцѣнить великую заслугу, какую принесъ онъ ею русскому обществу. Представленныя мною замѣчанія, значенія которыхъ всецѣло, вѣроятно, не отвергнетъ и самъ г. Буслаевъ, никогда не въ состояніи умалить достоинства его труда; такое убѣжденіе служитъ лучшимъ доказательствомъ и дѣйствительности цѣли этихъ замѣчаній, выраженной на первыхъ страницахъ.

14 марта, 1865 года **П. Лавровскій.**

Отдѣлъ литературы